

Павел СЕВЕРНЫЙ

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ

Павел Северный
Андрей Рублев

«АСТ»

2010

Северный П. А.

Андрей Рублев / П. А. Северный — «АСТ», 2010

П. А. Северный (1900–1981) – писатель-эмигрант, автор более двадцати книг художественной прозы. «Андрей Рублев» – один из лучших его романов. Главная тема книги – жизнь и судьба величайшего художника-иконописца Древней Руси, работы которого положили начало отечественной живописи.

© Северный П. А., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
1	5
2	8
3	9
Глава вторая	13
1	13
2	15
3	18
4	19
5	20
Глава третья	25
1	25
2	28
3	29
4	30
5	32
Глава четвертая	34
1	34
2	34
3	35
4	39
5	41
6	42
Глава пятая	44
1	44
2	44
3	49
Глава шестая	58
1	58
2	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Павел Северный Андрей Рублев

Часть первая

Глава первая

1

Минула майская полночь.

На голубой шелковистости небес, среди табунов белых облаков, шар луны, налитый расплавленным серебром, светит ярко, пригасив мерцающий блеск звезд.

На несчитанные версты, во все стороны, растянулся лес. Лес глухой, нехоженный, дикий, окрашенный в густую синьку, исчерченный волшебными причудами света и тени. Плотными зубристыми заплотами, изгибаясь по сугорьям и холмам, стоит лес, по своей бескрайности, по буреломности возможный только на земле Руси.

Река в нем промыла себе дорогу по глухомани и в том месте, где лесные дебри наособицу непроходны, на ее береговом крутолобом обрыве дыбятся бревнами стена монастыря-крепости. Второй век живет обитель, начав жизнь по слову Александра Невского, в память победы, одержанной князем над шведами.

Ныне, по строгому наказу митрополита всея Руси Алексия,¹ монахи острым глазом берегут на реке мирную ладность, оттого что по ней не один раз струги литовцев и удельных татей уже пробовали с недобрыми умыслами пробраться в угоды Московской земли, но с Божьей помощью монастырского заслона на реке осилить не смогли.

Лес-молчальник. Под стать ему молчальница и река.

Монастырь и лесная река живут вместе с Русью в незнаемых лесах, мокрых, как шерсть на бобрах. Костоломны в них пути-дороги, и уж совсем едва знатки тайные тропы, на которых под шагами путников в лаптях говорливо похрустывают валежины и шишки на рыжей мертвой хвое.

Окрест монастыря – лещачий лес по обличию, со всякими закутками нечистой силы. Чураясь его, монашеская братия за прошедшие годы так и не удосужилась из-за страха распознать его таинственную заповедность, но все же, осеняя себя крестным знамением, навевается в него за грибами, ягодами, за горьким диким медом, не углубляясь, однако, в нежить его колдовства.

Спит монастырское гнездо в лунном очаровании майской ночи. Покоят его сон дозоры сторожей на башнях, на настенных гульбищах, они всегда готовы узреть любую неполадность на реке, поднять обитель на ноги голосом сполошного колокола.

Светло, будто не ночь, а только зачин пепельно-голубых сумерек.

От весеннего дыхания природы бревенчатые стены в живом разноцветии мхов и лишайников кажутся пушистыми. Чешуя лемехов на шатрах и куполах церквей, тесовые кровли палат и келий на лунном свете выплескивают серебристые отсветы старого дерева, лесная земля

¹ *Алексий* (ок. 1293–1378) – с 1355 г. митрополит Киевский и всея Руси, старший сын Федора Бяконта, в миру Алферей (или Елевферий).

дышит, как от жаркой ласки зачавшая молодлица. Могучее дыхание весны дурманит воздух и все живое.

Над воротами, увенчанными башней в три яруса, под козырьком киота – образ Одигитрии Путешественницы, и перед святыней в слюдяном фонаре шевелится огненный лепесток в лампадке.

Возле надвратной башни на монастырском дворе – роща белостволых берез-вековух, а гирлянды их плакучих ветвей нависают над башней и настенными гульбищами, устилая плахи их настила плотными лоскутами сине-черных теней.

На гульбище рядом со своей тенью, прислонившись к срубам башни, замер в раздумье молодой парень в подряснике из грубого холста, окрашенного в настое из осинового коры.

Он не монах, даже не послушник, он просто двадцатичетырехлетний белокурый, сухопарый, сероглазый раб Божий Андрей Рублев, окрещенный в память мученика за веру Христову Андрея Стратилата.

По слову игумена обрядили его в подрясник, чтобы мирской лопотиной не напоминал монахам обо всем, от чего они во имя служения Богу отгородились монастырскими стенами.

Уже давно кончилось время Андреевой сторожи на гульбище, а он все еще не может оторвать глаз от лесных далей в красочных переливах синевы. Смотрит он, с какой живописностью, недоступной для человеческого разума, ночное светило с неуловимой нежностью постепенности размыкает светом густоту синевы на лесных просторах и как на них, удаленных от власти людского глаза, переливы синевы становятся все бледней и бледней, наконец сливаются с небесной голубизной.

Вот почему Андрей замер на гульбище, стараясь жадно сохранить в памяти увиденные чудеса лунного света, сотворенные на его глазах.

В лесном монастыре Андрей очутился неожиданно-негаданно. Не посмел послушаться воли отца Сергия Радонежского. И случилось все прошлой осенью. До этого парень возле Муром трудился по найму у торгового человека. Писал образа святых, разукрашивал броскими красками дуги, сани, седла и иную домашнюю утварь.

Хозяин, собравшись в Москву с товаром, захватил себе в помощь и Андрея. Прибыльно продав весь товар, перед возвращением домой заехал в Троицкий монастырь – престарелая матушка хозяина наказала именно у Троицы освятить написанную Андреем икону Благовещения.

В монастыре икона, отличавшаяся от написанных по древним канонам, свежестью красок привлекла внимание тамошних изографов. Была ими показана игумену отцу Сергию.

Убедившись в одаренности юноши, Сергий по своей воле, не спросив согласия Андрея, отправил его на обучение к старцу, иноку лесного монастыря, отцу Паисию, зная, что тому ведомы секреты левкаса,² на котором краски обретают вечность, не утрачивая от времени первородной свежести.

Паисий отроком был угнан в татарский полон, затем продан в Константинополь, где за долгие горестные годы разлуки с родиной постиг премудрость византийской иконной живописи. На родную землю Паисий воротился старцем – был выкуплен из неволи митрополитом Алексием во время его первого посещения патриарха.

Выполняя наказ игумена Сергия, Паисий посвящал понятливого усердного ученика во все изначальные каноны живописания святых икон и скоро с удивлением удостоверился, что Андрей хотя и вникал во все указания старца, но, выполняя их, вносил свое разумение в тонкость штрихов, особенно налагаемых вприплюск.

² *Левкас* – название грунта в иконописи, представляющего собой меловой или гипсовый (алебастровый) порошок, замешанный на животном или рыбьем клею. Чем тоньше и равномернее нанесены слои, тем лучше его сохранность. На Руси левкас шлифовали стеблями хвоща.

Вздрыгнул Андрей, когда над ним прошелестели птичьи крылья, спугнув его мысли. Взглянув на реку, увидел, как в ней полоскались серебрилки лунного отражения, как в глубокой воде тонули отражения берегов, и от них она казалась бездонной.

Беспокойно Андрею от обилия лунных красок, все даже и не углядишь, не запомнишь, а ему надо запомнить, чтобы воскрешать их в живописи. Беспокойство Андрея началось, как поднялся на гульбище сторожить покой монастыря. Беспокойство от того, что одолевали мысли о своем недавнем мирском житье, не забытом в монастыре, где возле него живет человеچه, безропотное смирение и отрешение от всего житейского ради данного сурового монашеского обета.

На среднем ярусе надвратной башни зашелся в кашле дозорный монах, а углядев на гульбище Андрея, заговорил с ним хриплым голосом:

– Пошто не спишь, человече? Какая доука донимает разум?

– Гляжу на лунные чудеса, в кои леса окрест окрашены.

– Зря глядишь. Верить в них, человече, опасайся. В дневные чудеса верь, станешь меньше о память спотыкаться. Обманный лунный свет, да и не долог. Житьем нашим правит свет и тьма. – Монах закашлял, а потом спросил: – Молви, как отче Паисий житье носит?

– С Божьей помощью на житье не в обиде.

– Слыхал наемни от братии, что старец с бессонницей дружит. А это, человече, в его годы вовсе ни к чему. Ужо повидаю его. А ты ступай сосни до заутрени. Сон и в монастыре надобен. Ступай сосни. Луна скоро гаснуть зачнет.

Дозорный замолчал, вновь надсадно закашлял.

Андрей, совсем не зная, по какой причине, трижды перекрестившись, спустился по скрипучей лестнице с гульбища в монастырский двор, но не пошел в келью, которую делил со старцем Паисием.

Темно в тени древних берез, только кое-где видны пятна лунного света. Не спеша Андрей пошел к лужайке с пасекой, но, выйдя из березовой рощи, оцепенев, остановился, услышав соловьиную трель.

– Чок-чок!

Андрей прислушался. Эта пробная трель посулила радость соловьиной песни, и она, не замедлив, полилась над монастырскими угодьями. Скоро на нее откликнулись соловьи из зарослей по берегам реки. Над лесами звучала птичья симфония. Андрей стоял, приоткрыв рот от удивления, но тут на башне вновь надрывно закашлял дозорный. Андрей, очнувшись, зашагал к пасеке, откуда началась соловьиная песня. Шел к полюбившимся молодым березкам. Их много. Все похожи друг на друга, тоненькие, кудрявые и такие белые-белые, что Андрей даже застыдил на них смотреть, оттого что вдруг показались они ему девушками в светлых сарафанах.

Память мгновенно заставила его вспомнить пригожесть лица боярыни Ирины Хмельной, у которой прошлой весной для киота писал иконы. Сердце Андрея учащенно забилося, кровь прилила в голову, окатив ее жаром, слюна во рту стала горькой.

Слушая соловьев, Андрей дошел до березок, сел под одной и, задумавшись, набрал на лбу морщины. Его тонкие, беспокойные пальцы расстегнули ворот подрясника, и тотчас теплую грудь застудил медный нательный крест на скрученной суровой нитке. Прожитая в монастыре зима убедила Андрея, что напрасно сердчал он на монахов Троицкого монастыря, показавших его Благовещение игумену Сергию.

В долгие зимние вечера при зрачке огонька на восковой свече Андрей слушал бывальщины Паисия про былую Русь, про татарский полон, про Константинополь. Уверовав в житейскую мудрость и обширные знания Паисия, искусного живописца, Андрей самозабвенно выполнял любые наказы старца, вдумчиво укладывая в памяти секреты растирания глины при изготовлении краски на яичном белке, на маслах, сваренных с кореньями трав и цветов.

Смешивая краски при написании икон, Андрей прозрачностью и певучестью тонов умилял и удивлял Паисия, не скупившегося на похвалу. Однако Андрей догадывался, что своей сноровкой в живописи он пугал старца. Больше всего Паисия страшило его вольное стремление на иконных ликах писать глаза, переполненные умиротворением. Паисий считал это тяжким грехом и своего неудовольствия не скрывал. Андрей молчаливо выслушивал долгие наравоучения Паисия, но продолжал верить, что в его написании глаз на иконах нет греховности, полагая, что святость христианских мучеников не могла не очищать их взгляды от сурового исступления, порожденного пережитыми мучениями.

Паисий выслушивал доводы упрямого ученика нахмуренно и давал одни и те же советы: молитвами сдерживать стремления, посягающие на незыблемые каноны иконописания по заветным лицевым спискам. Соловьиное пение постепенно увело мысли Андрея от наставлений Паисия к воспоминаниям о боярыне Ирине. Чем больше думает он о ней, тем сильнее становится печаль о недавней жизни за пределами монастыря.

Молодость Андреевой души тревожит голос плоти, недаром с весенней поры все неотвязней думы о боярыне. С ледохода стала она оживать перед его очами, вспоминались и ее походка, и певучесть голоса, и улыбочивость лучистых глаз. Андрей спрашивал себя, почему именно боярыня так запомнилась, ведь и до нее видел он немало женских глаз. Спрашивал и всегда отвечал одно и то же: боярыня запуталась в памяти оттого, что, похвалив за написанные иконы, ласково погладила по голове, и эту нежданную женскую ласку не может Андрей забыть.

Боярыня Ирина – молодая вдовица, она всего на несколько лет старше Андрея, а все же осмелилась на эту ласку. А что, если сделала она это с намерением, чтобы запомнил ее тепло ладони на всю жизнь? Андрей слышал о сладости женских ласк, но людская греховность еще не стреножила его разум, не опаивала его зельем вожделения, однако в эту лесную весну завладела его помыслами с настойчивостью.

Даже старец Паисий, замечая опечаленность ученика от весеннего томления, иной раз повторял слова мудрого человека прошлого: «Как моль вредит одежде и червь – дереву, так печаль – сердцу мужа».

Андрей, слушая поучения старца, думал, что тому теперь легко жить, позабыв про житейские радости. От соловьиного весеннего колдовства учащенно бьется сердце Андрея, податлива его память, не скупится на мысли обо всем, чем жил до монастыря, а все оттого, что он еще не монах, даже не послушник, а просто раб Божий на земле многострадальной Великой Руси. Поют соловьи, помогая Андрею думать о боярыне Ирине, живущей на острове среди озера, именуемого в народе Тайным...

2

Весна оживила людские души. Тревоги сменили надежды.

Великая Русь волей и силой простого народа продолжала протаптывать лапотной поступью новые большаки. В житейском обиходе людское мужество становилось великим, закаляясь в страданиях, ибо через неисчислимые несчастья народ берег бытие государства.

И в XIV веке годы проходили тревожно, окровавленно, в дыму пожаров, в гневных сполохах людского героизма. Все еще прочно гнездились суровое по смутам время, и никакие молитвы не могли извести, изжить, утихомирить его злобность, избавить государство от моров и нашествий.

Рукотворное государство, обуздывая удельную склочность, привыкало к главенству в нем голоса московского великого князя Дмитрия Ивановича. Народ терпеливо одолевал ухабистые дороги века, привыкший ко всяким напастям, не робел и рук не опускал. Он по заветам предков, сотворителей Руси, поплеывая на ладони, вминал годы в прошлое, вминал немертво, не

жалая мужества, пота и крови. Но свои следы об изжитии лихих лет подвигами и поражениями оставлял в свитках летописей и в людской памяти, как зарубины топором на лесинах.

Заслоняясь от врагов доблестью, с помощью могучей власти лесного величия, народ упорно ожесточал свою гневность, накапливая силу для свершения заветного стремления – сорвать с себя путы монголо-татарского ига, освободив гордость Великой Руси от принижения кочевниками. Лес помогал народу беречь отчую землю. Ибо об его сучкастую заколдованность обдирали себе бока проходящие годы, в кои холщовая и парчовая Великая Русь утверждала неодолимую стойкость государства...

3

Над Москвой истемна темна ночь. Темнота такая плотная, что кажется бархатистой от блесков отраженного в ней сияния звезд, а небеса их мерцающими лампадами просто засыпаны...

Майская ночь над Москвой духовита. Цветет черемуха, насыщая воздух ароматом, от которого разум обносит дурманом.

Власть черемушного духа наособицу сильна в ночную пору. А все оттого, что затихают порывы весеннего ветра, в темноте явь становится небылью, разум покоряется сердцу, старость и молодость опутывает одинаковая тревожность от бредовых снов о давно изжитом у стариков, об еще не изведанном – у молодых.

Стольный город с полукаменным Кремлем, с распростертыми возле его стен крыльями посадов и слобод спит. По его кривым улицам, переулкам и тупикам бродят ночные шорохи, и никто не сомневается, что это просто домовые почесывают волосатые спины о срубы всяких хоромин и изб.

Сон в весеннюю пору у москвичей чуток. Знают они, что весна волшебница на красоту и на нежданность. В эту пору в степях татары откармливают коней для набегов. Топот конских копыт кочевников Москва не раз слышала, испепеляясь от очередного нашествия.

Весенние ночи по всей Великой Руси таят в тишине неведомость – ее внезапно может нарушить топоток татарских коней. И не напрасно хозяин Москвы князь Дмитрий Иванович, помня о дурмане весеннего цветения, повелел дозорным на кремлевской стене чаще подавать голоса перекличками. Потому и звучат с полуночи над спящим городом слова выкриков, а смысл их в том, что Москва чтит милость Божью.

Спит Москва в духовитую майскую ночь. Спит, но сквозь сон слышит вкрадчивые шаги грядущего бытия, привыкнув к суровости своей судьбы, помня имена татарских ханов, приводивших для разорения безжалостные орды кочевников под стены ее Кремля, оставляя о своем приходе на годы черные следы пожарищ. Дымное пламя пожирало красоту города, но она снова воскресала после каждого нашествия, еще более радостная от вдохновенного труда плотников, топорами вырубавших из дерева новое великолепие Москвы.

У митрополита дозорные, после полуночи обходя уголье, отбивают звоны в медные била.

В опочивальне митрополита Алексия киот с образом Нерукотворного Спаса. Икону древнего византийского письма скупое желтит огонек в лампаде. Огонек, поминутно вздрагивая, начинает клевать воздух, а от этого по окладу иконы – волнистые блики, как будто по ней струится вода.

Перед киотом аналой под ризой из серебристой парчи. Раскрыто на нем Евангелие в переплете из кипарисовых досок, окованных червленым серебром. Возле аналоя на полу на коврик с вытершимся ворсом лежит митрополит, упал на бок при очередном земном поклоне. Старец, по обыкновению, сомлел от усталости на полуночной молитве. Нередко по утрам отрокислужки поднимают владыку с пола и отваром из трав приводят в сознание.

Настежь растворено окно в опочивальне, потому в покое крепок черемушный аромат. Зазвенело било под окнами опочивальни, а владыка, очнувшись, вскрикнул. Опираясь руками в пол, поднялся, встав, размашисто перекрестившись, оглядел опочивальню. Остановил взгляд на лике Христа, заметил, что щека Спасителя под левым глазом стала еще темней, не то прикопченная от лампадного огонька, не то от вспузырившейся краски.

Сокрушенно вздохнув, митрополит посетовал на свою нерешительность в житейском обиходе. Давно собирался отдать икону на поновление, но все откладывал исполнение желания – не мог обходиться без любимого образа. Привез его из Константинополя. Кроме того, была и другая причина откладывать. Сомневался, смогут ли живописцы Руси, обновляя, не порушить прелесть горения ее красок, наложенных по канонам иноземного письма.

Потирая озябшие руки, владыка подошел к окну. Высокий ростом, как все сыновья в боярском роду Федора Бяконта. Был он среди них старшим. Боярин Бяконт переселился в Москву из разоренного Черниговского княжества при князе Данииле Александровиче, младшем сыне Александра Невского. Владыка обликом в отца. Седой как лунь. Только в бороде, скудеющей волосом, под нижней губой сохранилось на седине темное пятно, подтверждающая, что в молодости волос был цветом в вороново перо. Стар владыка. Втаптывает в землю семьдесят седьмой год, но спину коромыслом не горбит и сгибает ее, лишь проходя в низкие двери всяких московских палат.

Став после смерти великого князя Ивана Второго опекуном малолетнего великого князя Дмитрия Ивановича, митрополит Алексей властно воспитал в князе уверенность в несокрушимости Великой Руси. Внимая его строгим поучениям, Дмитрий из отрока-увальня, любившего сладко поесть, поспать, вырос в мужа богатырского сложения, под которым ломались хребты лошадей.

А к Алексию тем временем подошла неумолимая старость, при все еще светлом его уме тело владыки надламывали недуги. Но для всея Руси оставался главой государства с благословения Церкви, главенствующей над мирской властью всех удельных князей. Силу главы Православной церкви знала вся Русь боярская и сермяжная, безропотно чтילה, покорялась ей, не решаясь поднять супротивный голос. Даже татарские ханы, хмураясь, прислушивались к его умудренности. К власти он шел смело, не вздрагивая перед недругами, но от прищура его властных глаз они цепенели.

Недруги Руси злобны. Зарятся на ее богатства. Нашествия, воровские набеги погнали людскую жизнь, а тайные стоворы с врагами удельных князей лишали народ надежды на трудовые подвиги мирной жизни на земле, обученной пахарем рожать великую радость урожаями льна, ржи, усатого ячменя и овса. Сермяжная Русь жила истово широким плечом труда. Жила, как росами, умываясь обидами на всякие княжеские, боярские, поповские и монашеские выплясы. Народный разум зудился глухой ненавистью к обидчикам. Порой вскипая, она выплескивалась в рукопашные схватки, в которых лилась кровь, но не могла эта ненависть осилить обидчиков.

Простонародная Русь от всякого родного и вражеского поношения кнутом и мечом, ощериваясь, отбивалась, теряясь в догадках, какие же недруги для нее страшнее: свои – с нателеными крестами, но со знатными званиями или же всякая иноземщина с Запада и с просторов степей в халатах, задубелых от пота и пыли. Народ берег государство под зловещее карканье всегда голодного воронья. Порой враги одолевали, конскими копытами вытаптывали любовно взрощенные нивы.

Но в XIV веке Русь уже начинала верить в свою вечность, укрепляемую руками и разумением народа, сотворившего ее рождение под песенный шелест листвы на дубах и березах, под бормотание хвойных лесов, под истому соловьиного пения, ибо вечность Руси всяким летом подтверждалась ворожкой кукушек.

Все это видел, обо всем знал старец митрополит, а потому совесть заставляла его передумывать наново прожитое, проверяя правдивость всего содеянного им властью Церкви над жизнью государства.

Родившись в последний год XIII века, нареченный Елеферием, он был обтерт от мокрети купели крестным отцом, князем Иваном, сыном московского князя Даниила.

Крестный отец Алексия, став московским великим князем Иваном Первым, которого прозвали за его алчность и хитрость Калитой, с удивительной ловкостью водил за нос татарских ханов. Клеветами на неугодных ему удельных князей перед татарами он с их помощью опустошил Тверское княжество.

Это Иван Калита, укрепляя мирскую власть властью Церкви, в 1326 году перенес из Владимира митрополию в Москву, после чего она стала церковным центром Великой Руси.

Инок Алексей, сохраняя в памяти деяния мертвых и живых князей, будучи при митрополите, старательно изучал греческий язык. После двенадцати лет управления судебными делами Церкви Алексей был в 1352 году рукоположен во владимирские епископы, а через год по завещанию митрополита Феоноста и князя Симеона Гордеца, наследовал митрополичью кафедру. Алексей круто натянул вожжи власти князя Церкви, приводя в порядок упадочность церковных дел.

Новый великий князь Москвы Иван Второй, кроткий, нерешительный по характеру, фактически отдал свою власть в руки митрополита. Наводя в государстве нужный ему порядок, Алексей не останавливался перед самыми крутыми мерами – вплоть до низложения неугодных служителей.

После смерти в 1359 году послушного князя Ивана Второго по воле покойного стал опекуном малолетнего Дмитрия, которому и помог встать на московское великое княжение вместо суздальского князя Дмитрия Константиновича.

Юный Дмитрий, сознавая, что его власть крепка советами и трудами митрополита, исподволь усмирал удельных князей. Когда ему это не удавалось, он просил помощи у Алексия, и тогда тот своей властью утихомиривал неслухов, закрывая в их уделах церкви.

Помогая Дмитрию властью Церкви накапливать решимость для единоборства с Золотой Ордой, митрополит, не жалея церковной казны, возводил монастыри-крепости, которые, по замыслу Алексия, должны быть несокрушимыми оплотами на пути любых врагов и стать на Руси единственными очагами просвещения, книгописания и школами иконописи. В монастырях должны покоиться летописи, писанные по совести, замысловатым слогом повествующие об истинных пережитых народом событиях. Именно в монастырских кельях, в коих не живет белый свет, но уютится не пуганная голосом тишина, схожая с могильной, должны писаться столбцы летописей. Именно в монастырях перед ликами святителей на темных иконах с пожухлыми красками от копоти лампад и свечей должна рождаться история Великой Руси. Вязью буквиц следы минувшего в летописях должны очерчиваться яркими нимбами трезвых и честных суждений с торжественной заботливостью, дабы потомки не смели забывать в капищах житейских неурядиц ни о героическом прошлом, ни о том темном, что когда-то пережила Великая Русь.

Начинало светать.

Оживали на воле дуновения ветра, заноса в открытое окно запахи свежее испеченного хлеба.

Старец снова и снова вспоминал прожитую жизнь. Все сильнее пугала Алексия мысль, что князь Дмитрий, оставшись без него, не осуществит задуманного, послушавшись неверного совета. Старец гнал от себя эти сомнения, надеясь, что возле Дмитрия останется сильный духом игумен Троицкого монастыря Сергей из Радонежа. Почитаем он в народе и в людских молитвах поминаем уже как святитель. Вот кому бы надо быть митрополитом Великой Руси. Алексей уже говорил с ним об этом, но игумен отверг эту мысль, смиренно сославшись на

свои малые познания людской жизни в миру. Алексей даже решил призвать себе в помощь Дмитрия, хотя и был осведомлен, что у князя есть на примете свой человек.

Думал Алексей о Сергии, а память неожиданно выкатила горошину мысли, напомнила, как Сергей зимой говорил ему, что в одной обители постигает тайны живописи молодой годами изограф, награжденный Божьей искрой власти над красками при иконописании. Алексей даже имя его вспомнил. Андреем назвал его Сергей. Имя память не поскупилась отдать, а вот в каком монастыре сей живописец постигает премудрость рукотворения святых икон, он запомнил.

С особым вниманием вновь осмотрев икону Спаса в киоте, митрополит решил разузнать о молодом живописце. Поутру же пошлет в Троицу к Сергию чернеца, а узнав, призовет Андрея в Москву. Доверит ему убрать изъян на образе. Сергей – провидец. Если он увидел искру Божью у того Андрея, то негоже сомневаться в его правдивости.

Решив призвать Андрея, Алексей тотчас подумал о том, хватит ли у живописца смелости коснуться древнего образа. По словам Сергия, он совсем молод. И опять стало митрополиту боязно доверять любимую икону для поновления. Да и как ему не бояться? Не грешно ли рушить на иконе древность красок?

Походив по покою, митрополит сказал вслух:

– Отдам! У молодого смелость без страха.

«И у молодого бывает недостаток в разуме. Сам в молодости был смелее. Но ошибался редко. Тот Андрей и решит, сможет ли прикоснуться кистью к краскам давнего сотворения», – подумал он.

В Москве подали голоса колокола.

Москва, просыпаясь, начинала обживать делами и помыслами новый майский день, хотя утро наступило хмурое и накрапывал дождь.

Митрополит думал, что не позволит старости лишить его смелости до последнего живого вздоха...

Глава вторая

1

Хмурое летнее утро. Да и время раннее. В церквах Москвы допевают заутреню. Ветерок с прохладой шевелит листву на деревьях, шершавит гладь реки Москвы, сгруживая к берегам куделю тумана.

По берегу едет великий князь Дмитрий в сопровождении конников. Из Кремля выехал Боровицкими воротами, направившись в сторону кузнечной стороны. Под Дмитрием угорский³ конь гнедой масти. Следом за князем кметы в полной воинской справе. Их шестеро. Кони под ними одной масти, вороные. Они дробно колотят копытами мокрую землю, злятся на седоков, не дающих им воли для бега.

Дмитрий задумчив, оттого и кметы молчат, только покашливают. Одет князь в кафтан и порты, скроенные дельным мастером из синего фряжского сукна, на плечах алое корзно княжеского достоинства. На голове Дмитрия шапка с мехом голубой лисицы. Подарок Мамаю. Сшита княжеская шапка татарками, в знак того, что Мамай князя Дмитрия выделяет из всех подвластных Орде удельных князей. На прогулки по Москве Дмитрий чаще всего надевает эту шапку, чтобы соглядатаи Мамаевы да удельных недругов меньше брякали языками о Дмитриевой строптивости, не судачили о его неуважении к ханской власти. Хотя хан и понимает, что московский князь не очень услужлив, но сам Дмитрий все же соблюдает видимость своей покорности перед Золотой Ордой.

Умыл дождь Москву.

Дмитрий слышал, как он начался на рассвете. Окна в опочивальне были распахнуты настежь. Дождь в Кремле поднял на крыло голубей и галок, а от их галдежа Дмитрий проснулся. Встав с постели, он прикрыл створы окон, чтобы раньше времени не проснулась княгиня Евдокия Дмитриевна, хотя знал, что у нее под утро на удивление крепкий сон. Дмитрий всякий день вставал рано, но всегда ему не хотелось покидать постель с живым теплом жениного тела. И сейчас, прежде чем покинуть опочивальню, он, улыбаясь, оглядел спящую жену. Лежит она, вольготно раскинув руки, будто начинает лихой бабий пляс.

Миновав сени, князь вошел в покой, где уже ждали заспанные отроки. Наказал одному сбегать на конюшню, чтобы оседлали коня. Отроки знали, что для князя нет большей охоты, как быть на воле в дождливую погоду. Но утро по-прежнему хмурится, а лицо Дмитрия оживает улыбка. Радует его умытая дождем Москва, радует князя, что жизнь стольного города с каждым годом набирает буйство. Москва умеет все подчинять своим обычаям и своим порядкам. Оттого к ней и протоптаны тропы, наезжены дороги со всех уделов, со всех других городов, которые в государстве нужны людям не меньше, чем Москва. В каждом из них ритм народного сердца и разума Великой Руси. Богатеет Москва, расползаясь слободами и посадами, как перекищенное тесто из квашни. Улицы становятся шире, но все-таки в иных в зимнюю пору из-за узости обстукаешь отводами саней избы и полисадники, а пожарам в них просто раздолье: запаливай все подряд.

Дмитрий любит Москву с той поры, как стал понимать, что на солнышке так же тепло, как на по-доброму истопленной печи. У родителя мальцом был любимцем. Слышал, как мать ревниво выговаривала отцу, что лишает ее сыновьей ласки. В Москве при родителе все шесть лет было тихо. В княжеских хоромы люди не толпились. Отец любил во всем покой, потому с татарами не задирался, вовремя откупаясь положенной данью. В часы досуга слушал пение жел-

³ Угорский (угорский) – происходящий из Венгрии, венгерский.

тых пташек, привозимых из теплых стран. Дмитрий благодарен отцу, что, несмотря на слезы матери, на седьмом году посадил его в стремя. С девяти лет княжит. Мальчиком, согнав с лица румянец, взял повод власти над Москвой, после робкого родителя унаследовав ее стол со всей суматошностью, с боярской, купеческой и поповской спесивостью.

Но в тот же час, выполняя завет усопшего отца, рядом с великим князем-мальчиком встал суровый его пестун и охранитель митрополит Алексей. Он растил в князе характер не по книжной мудрости, а настойчиво твердил, что Дмитрию надо готовиться к тому, что смирать уделы ему придется чаще всего не словами, а мечом, обучал крепче держать булатный меч в споре за Русь с татарами и со всякими удельными князьями. Любой из них Дмитрию – недруг. Всякому удельному правителю лестно вместо Дмитрия возле себя собирать единство Руси и богатеть уделом, возвеличиваясь над Москвой.

Несмотря на юность, Дмитрий наставления запоминал, и все на Руси выходило по пророчеству митрополита. Сколько походов и битв минуло, и большая их часть – с удельными склочниками. Почитай, за четырнадцать лет владения Москвой всю Русь в седле обскакал. Побывал, умиряя мечом, в Переяславле, Владимире, Галиче, Новгороде, Рязани, в Нижнем Новгороде, в Твери. Их князья стали сговорчивыми и покорными только после пролитой крови. Одни начинали слушаться Дмитриева слова, а иные, присмирив, все же держали камень за пазухой, скашивая взгляды то в сторону Литвы, то на татар, надеясь с их помощью скинуть Дмитрия с московского стола.

Дольше всех и злее ерепенился обильно обрызганный кровью князь Дмитрий Суздальский. Преклонил колена перед Москвой, когда выторговал себе за послушность княжение в Нижнем Новгороде. Совсем присмирел, когда отдал московскому князю в жены дочь Евдокию в знак полной покорности, но Дмитрию мнилось, что сделал это из-за старости, ссавившей тестя с коня. Знал Дмитрий, что и в суздальском споре приложил руку митрополит Алексей. Он высватал Дмитрию жену. Князю было семнадцать, когда повенчался с Евдокией в Коломне. Счастлив Дмитрий, что досталась ему завидная жена не только по прелести женского облика, а по характеру под стать ему, стойкая в мыслях, справедливая и ласковая. Трех сыновей родила, и только бы хватило ума у отца с матерью их вырастить, посеяв в разумах стремление к главенству Москвы во всей Руси.

Покой у Дмитрия в семье, но нет покоя во всем государстве. Да и как быть покою, когда татары в страхе держат: чуть замучается дурью хан – начинают творить набеги. А от набегов – кровь, слезы, пепелища. Литва к добру Руси руки тянет. Новгород задирает нос, хотя и из него кровь текла. Кроме того, моровые язвы про Русь не забывают. Заносят их ветры, а может быть, и люди с черными, гнилыми душами. При княжении Дмитрия больше четырех лет моровая язва калечила смертью. Хворость напала разом, как ястреб на голубя, била ножом в сердце – но долго не мучила, смерть наступала скоро.

Но даже и та моровая беда не останавливала удельных князей и бояр от вражды между собой. Чаще всего из-за земельных угодий, то из-за сословных обид, а главное, из-за злобной зависти. Иной раз молотились из-за сущих пустяков: из-за голосистых диаконов, изза бабьих сплетен.

Десять лет ушло у Дмитрия на уговоры и на драки с князьями, чтобы поверили ему, что сила Руси в единстве всех уделов с Москвой. Все же теперь будто стали понимать. Искренне понявшие пользу Дмитриева слова сами супротивники приходили мириться из-за старых споров, по-доброму сговаривались о дружбе без всяких для себя выгод. Это понемногу освободило Дмитрия от оглядов по сторонам, позволяло пристальней смотреть на восток, на запад, на Литву, где после смерти старого Ольгерда его сыновья дерутся из-за власти.

В Золотой Орде беспокойно. Дмитрию от этого радостно. Пока враги теребят друг друга, он крепит спаянность и единодушие среди князей. От этого уже есть прибыток. Князья поняли, что стоять им за спиной Москвы сподручнее и безопаснее, чем с глазу на глаз с Половецким

полем. Теперь Дмитрий почти уверился, что нагрянь какое нашествие по прихоти хана, у него под рукой будет не малое войско удельных князей.

Один Рязанский удел не смиряется. Князь Олег,⁴ одержимый завистью, скалит зубы на Москву, надеется дружбой и угождением хану получить ярлык на княжение в Москве. Но волчьа злоба рязанца Дмитрия не страшит, потому если даже и укусит, то не большей крысы.

Страшны Дмитрию татары. Дмитрий дважды любовался ханом в Сарае, когда возил подарки, договариваясь о дани. Это дало возможность покорить болгар, а в прошлом году Казань привести к покорности. Ныне еще не отослал обговоренной дани, и Орда, конечно, ее ждет. Дмитрий верит словам игумена Сергия Радонежского, что Господь благословил для Великой Руси светлое время для вызволения от порабощения кочевниками.

Потому Москва при Дмитрии опоясала Кремль поясом каменной стены, а ее огнем не спалишь.

Строится Москва после пожара по-новому. Не старается ставить новые срубы по старому, сгоревшему обличию. Дмитрий задумал и в Кремле обновлять строительство. Будет еще размашистей украшаться Москва всякими хорумами, теремами и избами. Дмитрий без устали любит Москву из Кремля. А сейчас то и дело переводит взгляд на Заречье. Не может оторвать глаз от пестроты и всякой росписи на причудливых строениях.

Смотрит Дмитрий на деревянные чудеса Заречья, и обручем сжимает его разум мысль, что весь город, как Кремль, надо строить из камня. Одиннадцать лет ставили каменную стену Кремля, но на ней по сей день все еще не все дубовые стрельницы заменены каменными. И не напрасно, глядя на них, ворчит воевода князь Боброк, не отставая от митрополита Алексия. Дмитрий уже задумал, что Москва обязательно станет строиться в камне, но сейчас пока до этого недосуг. Сейчас главная забота об опояске всей Руси поясом с булатным мечом да на всю ее грудь отковать кольчугу.

2

В Кремле в думном покое владычных палат лучи зарева прожгли чешую слюды в стрельчатых окнах, вонзившись в столешницу длинного дубового стола, укрытого багряным аксамитом. Там, где на материю упали солнечные пятна, ее пушистый ворс стал похож на каленые угли.

Покой узкий. Бревенчатые стены расписаны изречениями из Евангелия, и путаются золотые буквы в листве и цветах, коих на Божьем свете нигде нельзя увидеть – они плод фантазии вдохновенного изографа.

По обеим сторонам стола – широкие лавки. Придвинуто к столу кресло с высокой спинкой, увенчанной крестом.

В покое сумрачно. Пахнет ладаном и нагаром масла из лампад перед образами в переднем углу. Выделяется среди них большая икона Ильи-пророка, громовержца, подателя земле дождя, заступника и избавителя от пожара.

Икона писана новгородским живописцем. Лик и тулово пророка по пояс на пламенно красном фоне. Писано красками на яичном белке без золота. Волево лицо пророка решительно и холодно. Но, по слову Церкви, он милостив к тем, кто истово молит его о помощи от всего сердца. Живописец придал лицу и глазам резкое, пронзительное выражение.

⁴ *Князь Олег, одержимый завистью...* – Олег Иванович (?–1402) – с 1350 г. великий князь рязанский. Успешно противостоял не только Литве и вторгавшимся в рязанские земли татарам, но и политике подчинения русских земель Москве. В Куликовской битве Олег не участвовал, хотя имел с Мамаем и великим литовским князем Ягайлой договор о совместных действиях против Москвы. К концу своей жизни Олег стал своего рода символом, объединявшим русских князей и бояр, недовольных московским князем. Незадолго до смерти он принял иночество и, находясь в Солотчинском монастыре, до своих последних дней носил под власяницей кольчугу, что может свидетельствовать о том, что князь опасался за свою жизнь.

На столе оловянные свечники с толстыми восковыми свечами. В трех углах покоя дубовые кади с водой на случай пожара. Возле стен окованные медью сундуки с тяжелыми навесными замками, в которых хранятся «проклятые грамоты», написанные знатными боярами, призывающими на себя Божье проклятие, если не сдержат они того или иного обещания, данного князю, Церкви и друг другу.

В кресле у стола сидит митрополит Алексей. В покое душно, а на плечах старца накидка из меха зимней белки, подбитая черным аксамитом. Перед сидящим раскрытое Евангелие в серебряном под позолотой окладе со вставками из драгоценных камней. Придвинут к нему свечник с горящей, сильно оплывшей свечой. Склонившись над книгой, митрополит, прищурившись, осторожно перелистывает страницы, пробегая по строчкам со стройными буквицами. Поля у страниц широкие и украшены узорами, будто кружевами. Переплетаются в узорах две краски: голубая и бледно-алая. Евангелие – вклад в Чудов монастырь богатого московского купца, отдавшего в монастырь одного из сыновей.

Митрополит доволен книгой. Знает, что для написания ее чернецу-грамотею понадобилось девять месяцев усидчивого труда.

Открылась в покое створа низкой, узкой двери. Вошел, пригнувшись, дородный монах, а митрополит, услышав его сопение, спросил, подняв голову:

- Кого прислал Господь? Кажись, ты, Иосаф?
- Гонец со свитком от тарусского епископа, – сообщил монах.
- Подай.

Митрополит протянул руку, в которую монах, поцеловав ее, вложил свиток с восковой печатью на шнурке. Старец, не взглянув на свиток, положил его на стол.

- Еще что скажешь?
- Скажу, что того молодца привезли, за коим, по твоей воле, конскую справу посылали.
- Какого молодца?
- Монастырского служку, людям ведомого Андрея из родительского рода Рублевых.
- Где же привезенный? – спросил митрополит, откинувшись к спинке кресла.
- В ожидальне.
- Веди сюда.

Выполняя приказание, монах с непривычной проворностью для своего дородного тела проскользнул в дверь, а через минуту вошел вновь. Следом за ним появился Андрей Рублев.

Войдя в покой, Андрей тотчас опустился на колени и земно поклонился сидящему митрополиту. Старец оглядел склоненного в поклоне. На Андрее черный подрясник, широкий и не по росту длинный.

- Встань!

Митрополит остановил взгляд на Андрее, заметил, что в глазах юноши нет привычной робости, которая всегда появляется у людей любых званий при встрече с главой Православной церкви. Старец видел перед собой скромного молодца, серые глаза которого переполнены удивлением и любопытством. Прочертив в воздухе крест, митрополит благословил Андрея, но для поцелуя к руке не допустил, спокойно сказал:

- Вели, отче Иосаф, принести образ Спаса.

Монах, получив приказание, исчез из покоя и через миг уже протиснулся в дверь, держа в руках большой образ, завернутый в парчу. Положив его на стол, Иосаф удалился, кланяясь.

Митрополит не торопясь развернул парчу, сказал Андрее:

- Погляди.

Андрей, перекрестившись, наклонился над иконой и, рассматривая ее, сокрушенно качал головой.

- Чему дивишься? – спросил митрополит.

– Дивлюсь, что опалилась краска на образе. Видать, близехонько к иконе лампаду приладили.

– Опалилась, говоришь?

– Истинно так.

– Может, только прикоптилась?

– Обожглась, да в таком месте, под самым оком.

– Разумеешь, кем писана?

– Из Царьграда образ. Не наше рукотворение.

Андрей снова наклонился над иконой, а митрополит перенес к ней свечник с горящей свечой.

– Снять бы надобно оклад.

– Стало быть, коснешься хворого места на лике Спаса?

Андрей от вопроса вздрогнул, смотря на старца, ответил:

– От скорого слова уволь, святитель. Погляда мало, надобно время, чтобы распознать творение.

– Вижу, боязно тебе?

– Робость моя в эдаком деле не помеха, а польза. Чай, не ноне писана.

– Византийская древность.

– Чую.

Андрей, низко склонившись над иконой, дотронулся рукой до пятна на лике.

– Темно тута. Поутру дозволю вынести на волю, чтобы при солнышке поглядеть.

Митрополит в знак согласия кивнул. Андрей завернул икону в парчу.

– Решишь исправить мою доuku, краски любые дам, – сказал митрополит.

– Со мной краски-то. Наставник в обители, отец Паисий, будто в воду глядел, когда приказал всю живописную справу с собой прихватить.

– Ну так что, осмелишься?

– Дозволь подумать. Скорое слово даже в песне не к месту, а тут – святой образ Спасителя!

– Может, послать тебе в помощь моих изографов?

– Обойдусь.

– Иной раз и в чужом совете зерно пользы.

– Обойдусь.

– Что ж, ступай!

Андрей вышел из покоя.

Митрополит, смотря на мерцающие перед образами лампы, размахисто перекрестился, спросил себя вслух:

– Неужли не убоится? Иосаф, слышал, как речь ведет?

– Зело молод.

– Разумей, что разум и у младенцев водится. Господню искру в нем узрел игумен Сергей.

– Оно так. Только зело молод.

– Затвердил. Поутру обрядите его в мирское. Не инок. Оболоките во все новое. А то глядеть чудно.

– Как велишь, так и будет.

Гневный огненный закат уже давно погас, а в сумраке покоя от огоньков лампад бликовали краски на иконах...

3

По слову митрополита Андрея Рублева определили на постой в Симонов монастырь, в келью книгописца отца Елисея, монаха, не старого годами, пришедшего в обитель из мира и по рождению бывшего боярским сыном.

По утрам, отстояв в монастыре раннюю обедню, Андрей приходил на владычный двор и, потрапезничав, шел в свечной покой и принимался за работу над поновлением иконы.

После снятия с иконы откованного из серебра оклада Андрей, оглядев ее, убедился в ветхости доски, на которой был написан лик Христа. После этого осмотра Андрея охватило волнение, напрягая память, он старался вспомнить все, что знал о законах древнего иконописания. Не в силах перебороть страх и сомнения Андрей после тревожных, бессонных ночей только на третье утро велел сказать митрополиту о своей согласии прикоснуться к древнему образу.

Получив благословение митрополита, Андрей два дня с трепетом стирал опаленную краску песком, прокипяченным в молоке. Очистив поврежденную краску до левкаса, Андрей похолодел: от старости, а может быть, от ожога на левкасе во все стороны расплзались паутистые нити трещинок, из-за которых краска, того и гляди, могла начать крошиться.

Растерявшись от неожиданного открытия, Андрей искренне пожалел, что отказался от предложения митрополита воспользоваться советами изографов. Исправить дело и отказаться от необдуманного решения теперь было невозможно, не заставив митрополита усомниться в умении Андрея выполнить поновление образа.

Раздумывая над тем, как поступить, Андрей только на шестое утро, стоя на ранней обедне, наконец-таки принял смелое и, по его мнению, необходимое решение – очистить на иконе всю левую часть лика Христа.

Придя на владычный двор, Андрей уединился в свечном покое и заперся на засов.

Византийская икона лежала на широком дубовом столе. Сняв оксамитовое покрывало, юноша склонился над ней. Решение было принято, но Андрей все еще никак не мог приступить к его осуществлению.

Неожиданно в запертую дверь кто-то настойчиво постучал. Андрей вздрогнул, подойдя к двери, отдернул засов и, оторопев, увидел перед собой митрополита. Старец, заметив испуг Андрея, положил руку на его плечо:

– Пришел взглянуть на содеянное.

Они вместе подошли к столу. Митрополит, оглядев икону, спросил:

– Изъял пятно?

– Надобно всю ошую⁵ сторону лика удалить. В левкасе изъян. Мыслью, от долгого перегрева.

Говоря это, Андрей не отводил взгляда от лица митрополита, на лбу которого после сказанного прочертились резкие морщины, а брови над сощуренными до щелок глазами изогнулись. Андрея била дрожь. Он, кажется, больше всего боялся того, что владыка не позволит выполнить задуманное.

Митрополит спокойно спросил:

– Может быть, изъян в левкасе от ветхости?

– От нагрева трещинки на нем заводятся.

– А ежели они подо всем ликом?

⁵ *Ошую* – левая сторона (*одесную* – правая).

Андрей на вопрос не ответил, так как не мог пошевелить пересохшим языком. Митрополит смотрел на икону, пытаясь не выдать волнения. Сокрушенно вздохнув, он, выпрямившись, благословил Андрея и пошел к двери, но, открыв ее, остановился и тихо, но твердо сказал:

– Блюда веру в себе. Господь поможет.

Митрополит вышел, но дверь за собой не закрыл.

Лицо Андрея покрылось крупными бусинами пота, он не мог отвести глаз от дверного проема, все еще ожидая услышать голос митрополита...

4

Жизнь кое-что уже не скрывала от Андрея. Он знал про тоску, про одиночество. Знал, что люди живут больше кривдой, чем правдой, и чаще всего по разным причинам затаивают друг против друга злобность и ненависть. Знал Андрей и про то, что при встречах его с бессонницей ночные минуты текут так же медленно, как из сот капли густого меда.

В эту ночь темноту в келье отца Елисея спугивают две горящие восковые свечи на столе и огонек в лампадке перед иконой.

За столом, склонившись над листом пергамента, Елисей уже которую ночь старательно исписывает страницы деяний апостолов. Пишет без усталости по наказу игумена Симонова монастыря. Андрею с лежанки хорошо виден очерченный светом силуэт монаха. В тишине кельи порой слышит его хриплое дыхание! У монаха хворь в груди.

Андрей повстречал бессонницу. Она перед ним всегда, как видение. Облик ее он запомнил в то утро, когда его с матерью угоняли в полон и злая половчанка больно хлестала его плетью за то, что он не переставая голосил. Половчанка в шелковом зеленом халате, как змея, извивалась перед ним. Запомнилась эта половчанка, стала для него обликом бессонницы, вся зеленая, а на загорелом лице синие глаза, лучистость которых и отгоняет от Андрея сон.

Не может Андрей в эту ночь прогнать бессонницу. Лег рано, но не заснул от тревожной радости, что окончил поновление иконы.

Древняя византийская краска, стертая с левой половины лика Христа, вновь ожила под его кистью и срослась с нетронутой правой половиной, как будто никогда и не была стерта. Однако после окончания этой работы у Андрея родилась первая тайна его. Она и не давала заснуть, заставляла мучительно искать решение, как ему поступить: оставить ли тайну только в своей памяти или, расставшись с ней, сказать о ней митрополиту. Но как поведать о ней князю Церкви, о суровости коего он успел наслышаться?

Перед владыкой сам великий князь Дмитрий дышит вполгруды, и вдруг он, Андрей, скажет о таком, о чем даже грешно думать. Что сотворит с ним митрополит, узнав его тайну, и в порубе какого глухого монастыря заставит до седых волос отмаливать греховность?

Тайна у Андрея завелась оттого, что по-новому написал глаза Христа. Не захотел верить византийскому изографу, что у Спасителя во взгляде только холодная исступленность. У Андрея иное разумение о Христе – вот он и осмелился осветить его взгляд лучистостью душевного тепла, схожего с теплом людских взглядов. Теперь на поновленной иконе глаза Нерукотворного Спаса под прозрачностью лака излучают византийскую строгость, но согретую живым теплом, и влилось оно в них с кисти, которую держала рука Андрея. Это тепло, это одухотворение все больше внедрялось в живописание икон на Великой Руси.

Андрей показал поновленную икону отцу Елисею. Монах смотрел на нее долго, а Андрей встревоженно наблюдал за лицом Елисея, за тем, как нависшие над его глазами кустистые брови стали вздрагивать от волнения. Елисей шепотом высказал самую великую похвалу Андреевой смелости. Сказал он шепотом, а Андрей услышал, будто говорил монах полным голосом, и запомнил каждое слово:

– Чую, Господь допустил тебя к правде глаз Спасителя. Очи Сына Человеческого будто вопрошают о совести у всякого, кто зрит икону.

Обрадованный Андрей низко поклонился Елисею, уже хотел сказать ему о своей тайне, но, укротив пылкую искренность, смолчал. Переполненный радостью Андрей дотемна бродил по Москве. Ночью не мог спать. Слушал стукоток сердца, напоминавшего о медленном ходе ночного времени, уверявшего, что у него в жизни будет много разных тайн, о которых он научится молчать.

Елисей, закашлявшись, оторвался от письма. Пересилив удушье, сощурился, обернулся, смотря в темноту, в которой на лавке лежал Андрей, и спросил:

– Чую, не спишь?

– Разум не стынет покоем.

– Не разум тому виной. Душевная боль в тебе гнездо вьет. Видать, занозил память поглядом.

– Каким поглядом?

– На цветок цветом в бирюзу, его в миру зовут незабудным.

– Да когда я его повидал?

– Память о том поспрошай. Ей ведомо, когда увидал бирюзовый цвет в глазах молодежи.

Стерегись памяти, потому велика ее сила над разумом. А главное – помни, что душевная боль – самый хмельной мед в мирской жизни.

Елисей вздохнул:

– Меня душевная боль на колени поставила. Она же меня и в монашество привела.

– С чего завелась твоя душевная боль? Прости Христа ради за мое любопытство.

– Бог простит! Молодость любопытна. Но ежели спросил, то слушай. Услыхав, позабудь.

Монах, обернувшись к иконе, освещенной лампадой, долго молчал и, не оборачиваясь, громко сказал:

– Очи Христа, тобой написанные на древнем образе, спросили в сей день мою совесть, отрешился ли памятью от всего, покинутого в мирском бытии. Совесть моя создалась, что водятся еще в памяти и в душе следы о земной любви к той, кою татары сгубили.

– Убили?

Монах, помолчав немного, ответил:

– Сама сотворила Анюта себе кончину, не дозволив насильникам опоганить свою непорочность. Клятву дал я не дружить памятью со всем тем, что оставил перед порогом кельи. Ты былое привел ко мне в келью. Напомнил о пережитом в миру счастье, отнятом страшной бедой.

При зрачках свечей Андрей приметил на глазах монаха блеск слез и, не говоря ни слова, повинуясь его безмолвной просьбе, ушел из кельи.

Андрей, осиливая волнение, смотрел на небо с притухающими звездами. Занималась заря. Приближалось утро. Митрополит увидит поновленную икону. Каково бы ни было его решение, тайну о написанных глазах Андрей сохранит.

5

Андрей возвращался в монастырь к отцу Паисию, на шестые сутки он вышел на берег знакомой лесной реки.

Из Москвы он выехал в возке митрополичьего посланца иеромонаха Феофила, которому было сказано везти Андрея до той поры, пока у него будет в том надобность. Но вышло все по-иному. Отъехав от Москвы верст двадцать, Феофил, затосковав по пище, приказал завернуть в боярское угодье. В нем у знакомого ему тиуна за трапезой так зело напробовався пива с медом, что нежданно для Андрея не пожелал, чтобы тот находился с ним в возке.

Андрей не понравился Феофилу тем, что был любознателен, ко всему проявлял интерес, обладая зорким глазом, а видимое непременно запоминал. Феофил приобвык жить без чужого пригляда. В дальних странствиях по Руси, совершаемых по наказу митрополита, с ним случались всякие оказии, на которые чужим людям лучше не глядеть. Зная о своих слабостях, Феофил вины греховной для себя в том не находил, утешая себя тем, что лихая мирская жизнь так обильна соблазнами, мимо которых не всегда пройдешь, даже осеняя себя крестом.

Расставшись с мягким возком, Андрей не горевал, продолжая пеший путь без торопливости, выспрашивая дорогу к монастырю, отдыхая среди приволья лесной Руси. Дни стояли погожие, с легкими дуновениями ветерка, шагалось легко.

Ночевал Андрей в селениях, платя хозяевам за ласковый приют помощью в житейских делах. В пути жил воспоминаниями о Москве. Перебирая в памяти, что повидал в Кремле и на крикливом торге, думал о том, что услышал на владычном дворе и в Симоновом монастыре. Но больше всего думал он о митрополите Алексии, а вспоминая то утро, когда показал ему поновленный образ, всякий раз холодел. Ясно помнил, как митрополит, низко наклонясь к иконе, впился взглядом в глаза Христа, а обернувшись, вопросительно прошептал:

– Неужли осмелился коснуться очей?

От вопроса Андрей, одеревенев от страха, виновато склонил голову, слышал шепот старца.

– Да помилует тебя Господь за сию дерзновенность! По грешному своему разумению в содеянном тобой греха не зрю, но зрю в очах Спасителя свет небес, под коими Святая Русь. Поновление инаким быть не должно.

Перекрестив Андрея, митрополит сказал полным голосом:

– Из Москвы уходи! Житье, данное тебе Всевышним, правь в мирском быту до той поры, когда разум заставит мыслить о службе Господу. Даром своим украшай православную Русь ликами святых мучеников за веру Христову, в коих люди видят для себя заступу от всех ниспосылаемых за грехи испытаний. Помни о сем. Молодость страхом перед Господом не замай! Благословляю тебя на путь прямой и честный со стойкостью души. Помолюсь о тебе. Помолюсь! Но из Москвы уходи, дабы в странствиях познать святость Руси...

Андрей слушал митрополита, а самого бил озноб, от испуга он даже не понимал смысла сказанного. Но память сохранила каждое слово митрополита, и теперь Андрею было радостно, ведь мудрый старик утвердил в нем уверенность, что поновление иконы сделано правильно, хотя и выполнено оно против всех незыблемых канонов иконописания.

После освящения поновленного образа митрополит наградил Андрея серебряным нательным крестом. Теперь на суровой нитке позвякивали на его груди два креста: медный и серебряный. Кроме того, Андрею были выданы холщовая рубаха и порты с опояской, сплетенной из голубых и белых шелковых ниток, меж которых поблескивала нитка серебряная...

В саже ночной темени мигает огнем костер.

Дымный костер.

Горит он на песчаной береговой кромке лесной реки. Причалена к берегу ладья, на ней приплыли княжеские воины речного дозора. Их пятеро. Все спят, заснул и Андрей возле них, пристроившись у костра под холстиной его едкого дыма, отгоняющего комара и мошку.

Андрей вышел к берегу и увидел воинов, когда те трапезничали. Они расспросили юношу, куда и по какой надобности он держит путь, а когда Андрей рассказал им обо всем без утайки и показал митрополичью грамоту к игумену монастыря, воины разом стали ласковей в обращении, предложили плыть с ними в ладье. Места, мол, тут глухие, до нужного монастыря верст не мало, и нечего понапрасну бить ноги на пешем ходу.

В пути Андрей разговорился с воинами, узнал, что примечены на речных берегах конные лазутчики, но чьи они, пока неизвестно, поэтому и был отдан наказ воеводы – плавать дозорам

по реке, чтобы не было на ней следов от вражеских любопытных глаз. Лесная и тихая река – это гладкая дорога к Москве.

Глухой лес возле реки. За каждой лесиной лесная тайна может в любой миг заявить о себе огоньками звериных глаз, а то и залихватным смехом, и не понять сразу, чей он – то ли сова похохатывает спросонья, то ли пугает леший, чтобы люди не позабывали, что здесь его царство со всякой нечистой силой, с которой у людей всегда какие-нибудь нелады. Но страшен глухой лес и другим – человеческой ненавистью, худым людским помыслом. Пустит тетива певучую стрелу и погасит жизнь в добром человеке. В глухом лесу лесины дружно переплетаются цепкими ветвями, не давая друг другу падать. Птичьи голоса в таком лесу радостные для тех, кто их понимает, но тайные и колдовские – кто их слышит впервые. Андрею голоса птиц понятны, он вырос в лесу возле деда-бортника. В эту ночь, как причалила ладья к берегу, Андрей у костра засыпал под монотонный, подзывавший настойчиво к себе тоненький посвист птички, которую в народе чаще всего зовут крапивницей.

На Руси лес своей неведанностью властно правит людским сознанием, пугая порой, но помогая людям беречь достоинство и сохранность родной им земли, унаследованной от праотцев...

Совсем безгласная после полуночи тишина над рекой неожиданно прорвалась от волчьего воя. Зверь выл протяжно. Его вой, похожий на стон от нестерпимой боли, разбудил Андрея. Он открыл глаза, в просветах между ветвями увидел одинокую яркую звезду, горевшую зеленым светом. Глядя на ее мигание, Андрей лежал неподвижно, прислушиваясь к вою.

Волк выл где-то на другом берегу, но по воде звук доносился так ясно, что начинало казаться, что зверь воет среди лесин совсем неподалеку от костра.

Бормоча со сна и чихая, проснулся воин, спавший укрыв лицо щитом, и удивленно спросил:

– Кто стонет-то?

– Волк жалобится! – ответил Андрей.

– Верно баешь. Волчицын вой.

– Может, и волчица.

– Ты мне верь. У волка визгливости в вое больше. А это будто стонет. Ишь, как тоскливо выводит, окаянная. Порвала сон, теперь заснешь ли сызнова.

Чихнув, воин взглянул на костер и сокрушенно произнес:

– Дымок-то вовсе чахлый, комарье без дыма – ужась зудливо.

– Не тревожься. Я огонь живо развеселю.

Андрей встал, подбросил ветки в костер. Пламя в нем ожило, вспыхивая, с хрустом перекусывало сушняк, освещая спящих воинов. Сетовавший на порванный сон воин, прикрыв лицо щитком, уже похрапывал.

Андрей лег на пружинистый настил опавшей хвои, прикрыв лицо тряпицей от комаров, и дал волю мыслям. Они копошились в голове, как муравьи в разоренной куче. Среди первых обязательно всплывала мысль о сиротстве, а от нее – зачин его безрадостных воспоминаний. Про то, что родился в Суздальской земле, он прознал от деда с материнской стороны, однако места, где стояла изба, в которой раздался его первый жизненный крик, не видел. От татарского набега сгорела изба со всеми выселками.

Андрей сущей правдой жизни считал то, что повидал своими глазами. Об отце только слышал, тот, по словам матери, сгинул на поле брани княжеской рати с татарами, когда Андрею шел второй год от роду. Андрей помнил мать, особенно тепло ее ласковых рук и певучесть говора. Мать всегда оживала перед его глазами, лишь стоило подумать о ней. Она вставала перед ним такой, какой он видел ее последний раз в тот самый огненно-дымный вечер, когда их обоих половцы взяли в полон. Андрей, от страха теряя разум, голосил, цепляясь за босые ноги

матери. Косоглазый враг отпихивал его, но, несмотря на то что его хлестала плетью половчанка в зеленом халате, ребенок держался за мать крепко. Защищая сына, мать при этом отбивалась от насильника, а он, разозленный ее непокорностью, зарубил женщину кривой саблей.

Все это видел и пережил Андрей в тот огненно-дымный вечер и все запомнил, хотя ему шел только седьмой год.

Сирота стал жить с дедом, помогая старику борtnичать в лесах боярского займища, обучаясь азам житейской правды при лампаде дедовой мудрости. Так Андрей дожил до девяти лет. Дед был стар, многое знал и помнил про канувшие в Лету годы Великой Руси. Смерть его пришла неожиданно. Схоронив деда, Андрей по решению боярского тиуна был отдан в монастырь и стал служкой у иконописца Захария.

Молчаливый монах вначале редко удосуживался одаривать Андрея живым словом, но был доволен, что тот понятлив и расторопен при выполнении отданных ему наказов.

Андрей с первых дней пытливо присматривался к работе Захария и незаметно для себя запутался разумом во власти зачаровавших его красок, коими монах писал образа. Цепко приглядываясь ко всему, что творил кистью монах, Андрей усердно помогал ему в изначальной работе над досками для икон. Каким радостным был для Андрея тот зимний день, когда Захарий неожиданно позволил ему нанести на доску контур будущей иконы. Выполненной работой Захарий остался доволен, и вскоре он допустил к написанию фона вокруг лика Николая-угодника.

Настырная прилежность Андрея пришлась Захарию по душе. Он все ближе и ближе подводил отрока к канонам иконописания, раскрывая ученику все ведомые ему самому секреты и навыки замысловатого ремесла древнего иконописания, занесенного на Русь из Византии и руками русских мастеров обретающего новые каноны сотворенного иконного письма на Руси.

Возле Захария, возле его молчаливости прошли для Андрея десять лет. И вот снова неожиданно накатила страшная беда со степных ковыльных просторов. Стояла осенняя пора. Природа поражала красками увядания, пиршеством осеннего великолепия. Гуляли по Руси метели золотого листопада.

Страшная беда страданием заслонила от людей осеннее чудо красок. Татары опустошали Суздальскую землю. Осажденный ими монастырь сгорел. Захарий был убит стрелой. Андрей, избежавший смерти и полона, скрылся в лесных чащобах. Вышел из них, когда враг убрался восвояси, Андрей снова увидел золу, угли и опаленную пожарами землю. Но надо было жить. Зачарованный красками, обладая навыками, перенятыми у Захария, Андрей стал бродить по местам, где стучали топоры, возрождая порушенную людскую жизнь. Андрей расписывал наличники, украшал цветастыми узорами домашнюю утварь, а однажды согласился по просьбе одной престарелой женщины написать икону, на которую неожиданно обратил внимание ее гость – торговый человек.

Годы шли, Андрей давно вымерял версты удельного княжества, работал на многих хозяев, пока не очутился с последним из них в Москве, откуда пришел в монастырь, где игуменом был Сергей Радонежский.

По числу лет не длинна была прожитая Андреем жизнь, но ему хватило этих лет, чтобы повидать Русь, лицезреть ее во всяком огне, во всяком горе, услышать набаты звонкоголосых колоколов. Андрей видел людскую жизнь, которую кроме татар поганили княжеские распри, злобность бояр, алчность монастырей, отнимавших у пахарей выхолненную их руками землю. Церковь творила беззакония именем Христа и всех святых, коим сермяжная, черная Русь ставила восковые свечи, вымаливая теплом их огненных зрачков божескую милость к своему горемычному житью.

Вместе со всеми русскими людьми отливало горе Андрея с головы до пят, вместе со всеми он скрывался в лесах от набегов, голодал из-за недородов. Насмотрелся он и на то, как мор

опустошал селения, и как лилась людская кровь от татарской и боярской злобы, и как лились слезы матерей.

Много повидал Андрей, и только молодость не позволяла твердеть на его душе коросте обиды, однако в разуме нет-нет да и заводилась эдакая осторожная неприязнь ко всем тем сытым, кто хлестал, понукал, приминал обидами всех обутых в лапти, чьими руками Русь из века в век вызволялась из всех уготованных для нее напастей.

Не спалось Андрею, бессонница сматывала в клубок нитку памяти, и юноше казалось, что в эту ночь вспоминает обо всем как-то иначе, понимая, что после пережитого в Москве шагать по жизни надо смелее, посматривая под ноги, чтобы не спотыкаться.

Начинало светать. Пробуждались воины.

Наступало новое утро...

Глава третья

1

Река Клязьма подле Москвы прорыла себе путь по вотчине боярина Демьяна Кромкина. По Московскому княжеству Клязьма по-всякому изворачивает тулово русла, но по боярскому угодию течет на редкость прямехонько и только после мельничной запруды все же вгрызается в берега заводями с гривами резун-осоки.

Демьян Кромкин на Москве – в перворядном боярстве с завидным достатком. Хоромы в его вотчине – в два яруса с узорными крыльцами и гульбищами. Род Кромкиных в славу вошел еще при Иване Калите. При нем стал богатеть на утаенных от властей прибытках. Калита приучил бояр к жадности и стяжательству, научились они на его примере обелять свою совесть перед Богом и князем, мол, отколупывая приварок от дани, кою Русь поработенная выплачивает, крадут не у Руси, а у Орды.

При нынешнем московском великом князе боярин Кромкин вовсе в чести. Митрополит Алексей и тот о нем помнит, потому, по наказу владыки, боярин раз побывал в Византии, поднаторев в греческом языке.

Но Демьян жаден на богатство, посему и грешит перед московским князем двурушием, – одинаково лъстиво служит своему князю и князю рязанскому Олегу Ивановичу, успокаивая себя тем, что оба князя по отчеству Ивановичи – вот он и роднит их с пользой для себя. Живя подле Москвы, доносит князю Олегу все московские новости, что приходят из-за стен Кремля. Сообщает и то, как живет князь Дмитрий с боярством, но главным образом о том, что мыслит князь о татарах, как обзаводится для обережения Москвы воинской силой. А рязанский князь Демьяновы новости нашептывает в уши Мамаю. Выгодно боярину двум князьям служить, осеня себя крестами перед ликами святых, смотрящих с икон.

В эту ночь у боярина Кромкина в хоромх негаданный гость. В дождливой мути сумерек гнедые кони приволокли в вотчину по раскисшей дороге тяжелый возок, привезли гостя из Рязани – Селиверста Нюхтина – знатного боярина, служащего князя Олега.

Хозяин привечает гостя в просторной трапезной с расписным потолком. В углу трапезной расселась печь, также расписанная узорами, а возле нее – кади с водой на случай пожара. Воду в кадях челядь менять ленится, потому от воды идет болотный дух, но он не так стоек, ибо все запахи перебивает ядреный дух деревянного масла, чадающего в лампадах перед темными образами, коими густо завешан красный угол.

Селиверст Нюхтин у рязанского боярства ходит в коренниках. У князя Олега он в полном доверии. Про него идет молва, что мрачные деяния, кои князь задумывает, он с усердием выполняет. Для кой-кого в Рязани не тайна и то, что боярин держит в своих руках связь князя с Мамаем, гнет спину в поклонах перед ханами.

На столе под коломитной скатертью в свечнике толстая свеча. Света у нее и у лампад не хватает, чтобы прогнать ночной мрак в трапезной. Темнота только порыжела, а в ее мгlistости к стенам жмутся горбунами окованные медными полосами скрыни-сундуки с навесными тяжелыми замками. Свет свечи позолотил все расставленное на столе и двух бояр, уместившихся за ним.

На серебряных блюдах – всякая снедь. На одном из них – остаток студня из свиных голов с чесноком и стружками хрена, на другом – копченый сиг с пареной репой в меду, в глиняной мисе – осетровая икра. Главенствует на столе жбан со стоялым душистым медом, а рядом – татарский кувшин с квасом, настоящим на мяте.

Бояре за беседой потрапезничали. Хозяин на тело грузен, но на лицо костист. Кажется, что голова приставлена не к тому туловищу, но эту несуразность скрадывает окладистая борода с густой проседью, хотя вороненый волос на голове сединой только чуть тронут. Глаза смотрят из-под кустистых бровей. Взгляд у них неласковый, подозрительный. Высокий ростом гость худощав. Лицо его одутловато, отчего глаза кажутся шелками под опухшими веками, а правый глаз от хмеля сильно слезится. Мясистый нос у Нюхтина чуть свернут в сторону, сломан у переносицы: в молодости боярина били в Орде татары. Рыжие волосы прикрыты бархатной малиновой тафьей с нашитыми на ней горошинами северного жемчуга. В бороде волос светлее, да и борода прямая, мягкая, как недолежалый до срока лен.

Перед боярами достаканы из серебра с чернью.

Медом за едой бояре не гнушались, но пьяной одури от питья в глазах не было.

Хозяина приезд гостя озадачил. В Московском княжестве он не больно желанный гость. У него здесь недруги водятся, коим подставлял ногу в их делах в Рязанском княжестве. Бояре на Руси обидчивы, как малые дети, малейшую обиду не забывают до гробовой доски. Озадачило Кромкина прежде всего то, что Нюхтин приехал без гридей, сделал это не без умысла, чтобы его приезд не бросался в глаза всяким ротозеям с легким на доносы языком. Кромкин не сомневался, что гость явился с тайным умыслом, но с каким именно, догадаться не мог.

Откашлявшись в кулак, Нюхтин, понизив голос, сказал:

– Должен тебе поведать, что благодетель мой, князь Ольг Иванович, тобой, боярин, не шибко доволен. Мзду от него берешь, а вести шлешь скупые. Слово тобой моему князю како дадено?

– Помню о своем слове.

– Иной раз не больно крепко.

Нюхтин взял достакан с медом, не сводя взгляда с хозяина, отпил глоток. На пальцах блеснули кровью красные яхонты в золотых перстнях.

– Медок у тебя отменный.

Нюхтин, не торопясь, обтер усы и бороду расшитым холщовым убрусом, прикрыв сощуренные глаза, продолжил:

– Никак, глуховат стал ко всему, что на Москве деется. Не слышишь дыхания своо князя с его присными дружками. Не верится моему князю, что Дмитрий Иванович не спешит справлять оборону княжества. Все дивятся, какой каменный Кремль отгрохал. Поглядишь на него – вспотеешь от оторопи.

– Рязанский кремль тоже крепко.

– Дуб камню все одно не ровня. Аль редко в Москве гостишь, потому и вести скупы?

– Зряшные слова сказываешь. Слышу хорошо. Но ведь ты знаешь, что мой князь дружбой ко мне охладел, может статься, от поклепа Боброка, а может, по какой неведомой для меня причине. Да и князь Дмитрий, крепя стойкость Москвы, тайком ничего не ладит. Москва строится и торгует у всех на виду.

– Об этом слов нет. На виду. Только всякая воинская справа в нее тайком ввозится. Аль зряшное сказываю? Не след тебе, Демьян, от данного слова пустяками отговариваться. Не забывай, что мой князь не в долгу перед тобой, – ты ему всем обязан.

Громче донесся собачий лай. Нюхтин настороженно прислушался. Встревожившись, оглядел трапезную, а заметив, что дверь не прикрыта, встал из-за стола и плотно ее затворил. Уловив озабоченность гостя, Кромкин спокойно сказал:

– Псы от ненастья лают.

– Осторожность – у меня верная подруга. Аль не знаешь, что ноне в наших хоромах челядь по-заячьи уши вострит? Нашей беседе видоков не надобно. Гостюю у тебя неспроста, да и навестил тебя не от скуки.

– Про то чую.

Нюхтин, сдвинув на затылок тафью, зажав конец бороды в кулаке, спросил приглушенным голосом:

– Поди, слышал, как Господь велит архангелам стеречь житие святителя нашего, митрополита Алексия?

– Как не слышать. Притомился святитель пасти христианское стадо Руси. Старец с виду бодр телом и духом, только ходит молва, что иной раз на молитве за нас грешных разум теряет. Падает замертво, но от жизни не уходит. Никак, побывать у него собираешься?

– Нет. Рязанцы у него на худом счету. Не мне судить деяния князя Церкви христовой, только неумогу молчать от горькой обиды, что он мово князя недругом Москвы почитает.

– Так и впрямь твой князь к Москве спиной стоит.

– А твой Дмитрий моему Ольгу, что кажет? Не лик улыбочатый – тоже спину.

– Что нам спорить? Сказывай лучше, зачем о владыке заговорил.

– Говорят, он по осени сызнава собирается водным путем в Нижний Новгород податься? Неужели правда?

– Только сейчас я сказывал о немощи святителя. На Волгу путь долог, и не по силам владыке. Слушок, может, и водится, да только сполз с пустого языка. Тебе-то какая надобность знать про это?

– Князю Ольгу надобно про то достоверно знать. Ведь святитель всякую осень низовой Новгород навещает.

– Разуметь велишь, что твой князь норовит добром к Москве обозначиться?

– Про такое сам у него поспрошай.

Нюхтин остановился у стола, выпустив из кулака бороду, уперся руками в столешницу, наклонившись над ней.

– Ты, боярин, разведать обязан доподлинно, в какую пору, в какой день святитель намерен отплыть из Москвы. Слышишь мой сказ?

– Только уж скажи и про то, по какой причине надобно знать о сем твоему князю. Аль не понял, что даже от молитвы без чувствия Алексей падает, остывая телом до окаменелости.

– Но ведь живет? Силой власти над Русью живет, властью над нами, грешными, живет. Дрожит Русь перед ним, как осиновый лист. Одряхлел, а все правит Русью силой христовой Церкви.

– Да кого хочешь спроси, ежели мне не веришь!

– Верю, но все одно князю надобно знать, когда митрополит по Оке мимо Рязани поплывет. Все в Господа верим, и власти его божественной боимся. А Мамаю не по сердцу, что зажил на Руси митрополит Алексий.

Кромкин, услышав сказанное, отшатнувшись от стола, перекрестился, уставившись на гостя выпученными глазами:

– Пресвятая Владычица, чем же святитель не угодил Мамаю?

– Не разумеешь?

– Ума не приложу.

– Тем и не угодил, что умом владыки князь Дмитрий правит Москвой. По воле Алексия подминает силой под себя всю Великую Русь, замышляя возвыситься над всеми уделами, покорив их, занестись вожделением даже супротив самой Орды.

Демьян, перекрестившись, выпрямился:

– Помыслом об избавлении от татарского ярма вся Русь, Селиверст, живет.

– Русь о сем пока только сны видит. Надеется журавля изловить. А князь Дмитрий по научению святителя уже верит, что синица у него почти в руках. Думай. Считал, сколь уделов Дмитрий подмял под свою руку?

– Считал!

– То-то и оно. Вот Мамаю и надобно, чтобы митрополит не дышал в Москве, не холил спесивость князя Дмитрия дерзким возмнением.

– Да как ты, Селиверст, осмелился мне сие вымолвить перед святыми образами?

– И не такое вымолвишь, ежели прикажут. Мне, Демьян, ведомо, как татарская петля душит непокорных. Хлестан погаными за молодую честность да верность Руси.

– Ужели в Рязани эдакое злодейство задумали?

– Татары в Орде сие задумали: Мамаев замысел, высказанный князю ордынским посланцем.

– Да будь проклят твой князь, ежели выслушал от татарина эдакое злодейство!

Кромкин изо всех сил ударил кулаками по столешнице, пламя дрогнуло, свеча стала гореть, потрескивая, обильно обливая бока восковыми слезами.

– Чур меня! Чур! Не слыхал твоих крамольных слов.

– Нишкни! – повелительным шепотом произнес Нюхтин. – Самого дрожь трясла, когда князь к тебе посылал. Да и сам Олег Иванович сна лишился, когда гонец из Орды повеление Мамаево привез. Мамай – он Мамай. Все под ним ходим и дышим, пока не удушит. Рязань лучше всей Руси знает гневность Орды.

– Потому сама на Руси ненависть разводит, вот Господь и карает ее рукой поганых.

– Молчи, боярин! Не вольны мы с тобой волю Орды не выполнять! Сказал тебе, что князю Ольгу от тебя надобно. Прознать сие тебе нетрудно. В Чудовом монастыре женин сродственник в монашестве.

– Упаси меня господь от такого злодеяния. Да какая христианская рука подыметя на такое?

– Татарская рука подыметя. Мы только весть подадим, а стрелы татарские свершат желание Мамай.

– Не жди от меня никаких вестей. Не пойду на злодейство!

– Не пойдешь? Ой ли! Аль позабыл, что давно супротив князя Дмитрия злодействуешь? Аль не так? Заупрямишься – узнает твой князь, как ты ему за доверие подлостью платишь.

Кромкин ладонью вытер с лица крупные капли пота.

– Гляжу, никак, вспотел?

– Лучше руки на себя наложу.

– Врешь! Ой врешь, Демьян! Сам себя со свету белого не сживешь. Любишь себя. Жизнь свою сытую да богатую любишь. Из-за жадности двум князьям служишь, а может, и еще кому-нибудь. Страх в себе лучше обуздай. Понимай: Мамай – погань, но нынче он над нами хозяин...

2

После ночной беседы бояр прошло двое суток. Поручение, полученное от рязанского гостя, начисто нарушило мирное течение бытия, с Демьяном произошло небывалое – от сковавшего его страха, от тревожных раздумий, не дававших даже мимолетной передышки, он разом утерял привычную поступь жизни.

После отъезда Нюхтина боярин, сказавшись больным, упревая в перине, отказался от пищи, криками приказывая ежечасно окраплять себя святой водой и обкуривать едким дымом сушеной полыни, сжигаемой на углях.

Однако это не помогло ему избавиться от страха за свою судьбу. Даже хмельное питье не помогло затуманить ясность мышления и забыться.

Он стал придумывать всякие хитрости, которые помогли бы обмануть рязанского князя ложными вестями о путешествии митрополита. Додумался до того, что решил сообщить князю самим придуманную дату, но вовремя спохватился, сообразив, что у Рязани в Москве кроме

него имеются и другие слухачи, которые наверняка по приказу Нюхтина тоже будут признавать намерения митрополита.

Измучившись от разброда всяких мыслей, Демьян после полудня на третий день внял наконец совету супруги сходить в баню попариться до седьмого пота, похлестав себя заговоренным веником. Вернувшись из бани в полном изнеможении, отпиваясь квасом, боярин неожиданно ухватился за блеснувшую светлую мысль – сообщить об узнанном от Нюхтина родственнику жены, монаху Чудова монастыря, тот обязательно даст дельный совет.

Повеселев от принятого решения, верному человеку отдав приказ – гнать в Москву и передать иноку, чтобы объявился на Клязьме без промедления, так как боярин неожиданно занедужил.

3

Филарет, монах Чудова монастыря, узнав о хворости боярина, беспокоясь о судьбе сестры, спешно прибыл на Клязьму и, застав родственника в полном здравии, догадался, что позван совсем по иному делу, и, конечно, по важному.

Скорое появление Филарета застало боярина врасплох. Он не успел придумать, как объяснить то, каким образом до него дошли вести о задуманном злодеянии, и сделать так, чтобы у Филарета не появились от недоверия свои домыслы на этот счет.

Зная характер Филарета, Демьян, предваряя важный разговор, старался гостя улестить словами об его уме и сметливой прозорливости. Этот разговор состоялся после обеденной трапезы, за которой хозяин и гость, вкушая с удовольствием обильную снедь, мало уделяли внимания хмельному питью.

Откушав, Филарет высказал благодарность сестре за угощение и предложил боярину отправиться после чревоугодия на прогулку.

Дородный и даже грузный Филарет на облик был благообразен. Его взгляд карих с лукавинкой глаз был пытливым, в нем угадывалось умение этого человека владеть собой.

Боярин и монах вначале шли тропинкой молча, лишь оказавшись на берегу Клязьмы, Филарет, оглядев боярина, спросил:

– Подошла пора, Демьян, поведать, по какой надобности затребовал меня.

Кромкин стер рукой со лба выступивший пот и, смотря себе под ноги, сообщил, что недавно от прохожего странника, Божьего человека из Рязани, прослышал о том, что в Орде замыслили злодеяние против жителя митрополита Алексия. Окончив рассказ, Демьян, довольный, что говорил гладко и убедительно, взглянул на собеседника и смутился, увидев на его лице усмешку, явно свидетельствующую о том, что монах сомневается в правдивости рассказанного.

– По правде поведай, от кого узнал лихую весть? – спросил Филарет. – Сказывай, кто из Рязани посетил тебя, ибо оттуда крамольные вести у нас заводятся.

– Про что спрашиваешь, непонятно?

– Про то самое, кое нюхом чую. Конечно, мое дело сторона, потому на твоей совести от кривды затвердеет короста.

– Пошто же эдакое недоверие?

– Поведанное тобой понять заставило, что надобно тебе от меня совет заполучить, что надобно изладить для извещения владыки о задуманном. Совет ждешь не какой-нибудь, в попытках с языка скинутый, а чтоб был со смыслом мудрости.

– Сделай милость, Филаретушко. Ведь какая страсть замыслена. Сделай милость, просьбу мою не оставь без внимания.

– Про какую милость лопочешь? Тебе, чать,⁶ понятно, что даром о таком думать не стану. Тебе ведомо, что по воле Всевышнего задаром только птахи наш слух услаждают. Но аз многогрешный разумею, что даровой совет завсегда безо всякой пользы оборачивается.

– Так разве даром прошу? Не малолеток, понимаю.

– Тогда другой сказ. Уважу твое пожелание за угоды возле деревеньки Костылихи. Лес там больно духовитый. Тебе он вроде лишний, а мне – с руки. Как решишь?

Боярин, не ожидавший такой спрос за совет, даже остановился, хотел было начать торг, но сплюнул и, кивнув, ответил:

– Согласен. Сказывай, чего ладить. Не томи!

– Больно скорый. Просишь не блоху на ногте раздавить.

– Дак!

– Помолчи малость.

Филарет, шевеля губами, долго шагал молча, временами приподнимая голову и глядя на небо, потом, остановившись, твердо сказал:

– Подкидную грамотку владыке сотворим...

4

Пятый день после полудня над Окой начинал дуть одичалый ветер. Такому ветру время по осени лист обрывать, а он буянит в летнюю пору. Его шквалы налетали с северной стороны, распарывая в небесах паруса облаков.

Временами меркло солнце, а река разом темнела, отливая стальным холодным блеском.

Богатырским шлемом высится над Окой кремль Рязани. За его стенами шумно шелестит листва молодых деревьев. Посажены всего шесть лет после последнего нашествия на княжество. Огонь, запаленный врагами, погулял по Рязани и по всему княжеству вольготно.

Разорили княжество татары, а князь Олег упрямо приказывал рубить новый кремль, собор и всякие жилища из дубовых бревен. В венцы его терема положены бревна в один обхват. Дубы рушили в зимнюю стужу спящими, чтобы, расставаясь с жизнью, не плакали, а их соки, утихомиранные, оставались в бревнах, помогая им каменеть в срубах. Кремль ставили под зорким приглядом князя. Хоромы князю поставили просторные. Семья у Олега большая.

Кремль Рязани с виду суров. Суров и князь Олег Иванович – недаром в народе кличут его не улыбочатым. На Руси знают, что именно Рязань заслоняет Москву с юга, а с востока за нее принимают на себя вражескую злобу княжества Владимирское и Нижегородское.

С гульбищ княжеских хором Ока как на ладони. Глаз не оторвешь от ее вольготных просторов, богатых водой. Она – спасительница людей при любом вражьем лихе. За нее уходит народ вместе с князем. За Окой отсиживаются до той поры, пока враги, досыта не наглодавшись дыма пожарищ, увлакивая добро и пленных, убираются откуда пришли.

Одичалый ветер мечется, взбугривая реку волнами с пенистыми гребнями. Ветер, о том вся Рязань знает, нагоняет на князя мрачность, его взгляд в такую пору холодит всех, на кого он смотрит.

Ветер начал мутить разум князя с того года, когда Боброк, по слову Москвы, наказывая Рязань за упорство неподчинения воле князя Дмитрия, разбив рязанские рати, заставил в страхе бежать за Оку и княжеством временно правил Пронский. Спасибо зятю, мурзе Салахмиру, уговорил Дмитрия простить Олега и дать ему возможность вернуться в удел. Татарский родственник удел вернул, но Орда не помиловала и княжество следом разорила.

Олег Иванович живет с худой славой на Руси. Слывет горделивым, заносчивым и мастаком распускать про неугодных ему князей обидную молву, из-за которой порой льется кровь.

⁶ Чать – по-видимому, возможно, чай.

Он сел на княжество, когда Дмитрий еще разводил мокреть в пеленках, и Олега злило, что судьба милостиво обошлась с Дмитрием, возвысив его над всеми уделами. А все только потому, что для Москвы от любой беды Рязань – заступница. Олег считает, что его Рязань древнее Москвы, больше выстрадала, обливаясь кровью и слезами за Великую Русь...

Сегодня с утра, запершись в думной палате, Олег писал заметы о последнем нашествии. Сам писал, не доверяя летописцу, хотя в мудрости его не сомневался, но свой разум ставил выше. Деяние свое возвеличивал, сознавая, что своей гордыней навлекал на себя неприязнь всех, кому становился в жизни поперек дороги иной раз только ловкими лживыми наветами.

Ветер охлаждал князя ознобом непонятного страха. Олег знал, что из Орды горя ждать нет основания. Совсем недавно был в Рязани посланец Мамай, но тревожные мысли копошились и мешали писать заметы.

Облик князя видный – рослый, но сухопарый, – и хотя носил Олег одежды из темных материй, ткани были дорогими. К народу Олег никогда не выходил с непокрытой головой – всегда помнил, что он князь, и считал, что малейшее опрошение в одежде, которое допускал ненавистный ему Дмитрий, только принижает княжескую власть.

Ненависть была силой жизни рязанского князя. Ненавидел он Москву с той поры, как на ней начал княжить несмышленный парнишка, теперь дородный князь Дмитрий. Мальчик сразу начал на него скалить зубы, и Олег понимал, что делает он это не от своего ума, а по наущению наставника митрополита Алексия. Будь Алексей возле него, давным-давно правил бы Русью и был бы единственным великим князем, а то теперь их три: московский, рязанский и тверской. И Олега волнует вопрос: долго ли Дмитрий по воле Алексия и Сергия Радонежского будет терпеть эту великокняжескую троицу?

Когда-то митрополит помешал его дружбе с Дмитрием, не дозволил подопечному князю привыкать к рязанской лести. Теперь же Олег и сам не знал, кого он больше ненавидит: князя или митрополита. Но ведал твердо, что митрополита боится, ибо тот властью, данной ему Церковью, может сжить его со свету.

В своем княжестве Олег хозяин всей мирской жизни, но в церквях, что стоят в уделе, его власти нет. Тут власть Москвы. Епископ в Рязани – ставленник митрополита. А епископ своим словом смущает боярство. Хорошо, что у Олега есть верный боярин Селиверст, он знает, кто из бояр чем дышит. Иной раз кто-то из бояр после хмельного застолья отдает Богу душу, а все оттого, что Нюхтин решит, что он живой неугоден ни князю, ни ему, верному княжескому слуге. Зазвонят тогда в Рязани уныло колокола в церквях, запоют вечную память о том или ином усопшем боярине, который еще недавно был знатен, но решил, по мнению Селиверста, косить глаз на Москву.

Когда недавний посланец Мамай, отрывивая после трапезы, сообщил о причине своего приезда в Рязань, дерзкие слова татарина заставили Олега затаить дыхание: замышлялось злодеяние не против московского князя, а против князя Церкви Великой Руси. Олег покрылся испариной, он не мог знать, как сотворят татары свое злодеяние против митрополита, но понял, что свершится оно из-за ненавистного ему Дмитрия, послушного исполнителя воли Алексия, ненавидящего власть Орды над Русью. Мамай, желая расправиться с Алексием, надеялся, что смерть монаха лишит Дмитрия силы, питавшей московского князя.

Олег не посмел не пообещать посланцу Мамай выполнить желание хана и узнать дату поездки митрополита в Нижний Новгород, но сам не был уверен, что сможет оказать помощь Орде, хотя все же надеялся, что Нюхтин не подведет и окажет-таки Мамаю услугу.

Проводив боярина, Олег уже трижды посещал собор, где епископ служит молебны о ниспослании здравия митрополиту Алексию. Князь не сомневался, что рязанский епископ обязательно сообщит об этом в Москву, а когда свершится злодеяние, Олег перед Москвой и всей

Русью будет чист совестью – кто ему осмелится не поверить, ведь, моля о здравии митрополиту, он и не мыслил о грядущей беде.

Олег, как и Мамай, надеялся, что московский князь, оставшись без Алексея, растеряется, тогда Орда не упустит удобного момента, изгонит Дмитрия и, помня об услуге рязанского князя, возведет его на московское княжение.

Это была заветная мечта Олега. Вот и сейчас, вышагивая по гульбищу, представил, как под звон колоколов въедет на белом коне в Московский Кремль, а потом по примеру приснопамятного Ивана Калиты с помощью Орды сомнет удельных князей.

5

Не затих ветер и ночью. Темнота пала сажистая. Потерялся в ней кремль Рязани.

Небо в звездной россыпи. Над Окой – Млечный Путь, как сияющий алмазами покров. На стенах кремля подаются голоса дозорные. Ветром разносит их выкрики: «Сподоби, Господи, своей милостью рабов грешных».

Княгиня Ефросиния лежала в постели, но заснуть не могла, а все оттого, что в хоромы затемно пришел боярин Селиверст и князь после трапезы заперся с ним в думной палате. Теряла покой княгиня, когда муж оставался с глазу на глаз с боярином. Она догадывалась, что и сегодня Нюхтин объявился неспроста, и не сомневалась, что они опять затевают сговор. Супруг не может спокойно жить, с виду будто дружит со всеми другими уделами, а на самом деле разводит смуту.

Княгиня обходила вниманием боярина, считая его оборотнем в людском облике и зная, что его руки в крови, которую тот не успевает смывать, благочестиво уверяя, что творит суд над крамольниками ради мирного житья князя с княгиней.

У окна ветер сорвал с привязи тяжелый ставень, и он со стуком ударился о раму. Стук поднял княгиню на ноги.

Скинув парчовое покрывало, отороченное собольим мехом, княгиня встала с постели, прислушалась к высвистам ветра, собачьему лаю и выкрикам дозорных. Голубая шелковая рубаха до пят скрывала статный стан Ефросиньи. Лицо княгини на красоту не броское, но горделивое, с горбинкой на носу, горделивость и от карих глаз в глубоких подглазницах. Волосы золотятся, заплетенные в косу, будто ржаная солома.

Полумрак в опочивальне, заставленной сундуками, лампы перед иконами.

Княгиня прошла по покою, утопая босыми ногами в ворсе ковра, и встала на колени, остановив взгляд на большом образе мученицы Параскевы Пятницы. Перекрестившись, положила первый земной поклон, начав шепотом читать молитвы, отвешивая поклоны после всякой прочитанной...

Отворилась тяжелая дверь опочивальни и, нагнувшись, вошел князь Олег Иванович. Увидев жену на молитве, улыбаясь, спросил:

– Пошто не заснула? А Господа о чем молишь?

Не услышав от жены ответа, спросил озабоченно:

– Никак, встревожена чем?

Выпрямившись, княгиня поднялась с колен, поглядев на мужа, ответила:

– Молилась, чтобы Господь отвел от тебя недобрую волю оборотня.

– Кого ты так называешь?

– Нюхтина.

– Досадил он чем?

– Делами многогрешными.

– Творит он их ради нашего покоя.

– Кровью творит. На руках она у него. Ведомо ли это тебе?

– Ведомо. Потому и нет крови на моих руках. Аль запомнела, сколь всяких крамольников в княжестве? Селиверст стережет нас от их злых умыслов. Кроме татар есть и у нас свои супротивники. Москва под боком, смущает моих бояр. Дмитрий кого угодно с ясного толку собьет. Славой своей перед всей Русью кобенится.

Княгиня, сев на лавку, обитую парчой, неожиданно спросила:

– Кого Селиверст сбивал с толку на Клязьме?

– Не пойму, о чем спрашиваешь.

– Аль я не жена твоя? Аль не должна знать обо всем, что деется в княжестве, чтобы вовремя оборонить тебя и себя от любой напасти, – продолжила княгиня, порывисто встав со скамьи. – Есть в Рязани верные мне боярские жены, они вызнают от мужей все новости ночной порой. От них о многом тайном я узнаю. Вот и нынче узнала, но от тебя самого услышать хочу, что сотворил боярин по твоему наказу на Клязьме.

Князь недовольно пожал плечами и сухо сказал, будто приказал:

– Ложись спать, лапушка!

– Ужо лягу, как ответишь. Правду скажи.

– Нет тебе дела до нее!

– Чую, что опять Москва тебе не по сердцу легла.

– А ты что ж, опять дружбой с Москвой бредишь, лапушка?

– С ней нам надо шагать. Неужли не пристал еще от гордыни? Неужли впрямь думаешь осилить Дмитрия?

– Аль я глупее его?

– Умом Господь тебя не обидел. Только душа в тебе холодная. А все оттого, что нет возле тебя людей, кои в избытке возле Дмитрия. Только на свой ум надеешься, а ведь у других он тоже водится.

Скрестив руки на груди, княгиня, стоя перед мужем, спросила:

– Зачем Нюхтин на Клязьме был?

– Я посылал. Надобно было мне узнать, у кого Дмитрий мечи закупает.

– Будто сам не знаешь, у кого мечи покупает? – засмеявшись, спросила княгиня.

– Чего привязалась? – Князь хотел обнять жену, но та сказала шепотом:

– Не тронь меня! – Помолчав, строго спросила: – Что обещал, когда под венец вел?

– Помню! Обещал ничего не утаивать от тебя!

Недовольный князь, решив прервать неприятный разговор, направился к двери, но княгиня остановила его вопросом, от которого он вздрогнул:

– Какой интерес возымел Мамай к житью митрополита?

– Кто сказал?

– Сам Мамаев гонец. В мед ему репейный сок подмешала, вот он и разболтался. Только вот не поняла я, зачем Мамаю владыка понадобился.

– Истинно, лапушка, мне татарин об этом слова не сказал.

– Лжешь! Все равно скажешь всю правду.

Князь в смятении вышел из опочивальни.

Глава четвертая

1

Всесловная Русь, истово молясь, теплила лампы и восковые свечи перед иконами. Молясь, она верила, что теплом их огоньков согреет сердца святых, задобрит, обратит на себя внимание и с их помощью вымолит себе заступничество от всех напастей. Заступничество той неведомой силы, которую Церковь славит звоном колоколов, величая ее пугающими словами – Господь Всемогуший.

Что породило на Руси неудержимое стремление к отшельничеству? Конечно, только отчаяние от неизживного людского страдания. Утерев последнюю надежду на житейский покой и желая хотя бы сохранить мечту о нем, люди уходили в лесную глухомань и в скитах обретали наконец мнимый покой, желанный покой одинокой беседой с Богом.

Жизнь монастыря началась с кельи, срубленной для душевного покоя боярским сыном Варфоломеем, ставшим в монашестве Сергием, а в людском сознании вся Русь с величанием Радонежский...

Монастыри правили Русью властью Церкви. В XIV веке по Великой Руси прошла народная молва про монастырь Святой Троицы. Он стоял деревянной крепостью всего в пятидесяти четырех верстах от Москвы, во власти заповедных радонежских лесов, на холме по прозванию Маковец, обжатом с трех сторон речкой Кончурой с притоками.

2

Августовская ночь.

Небо в густых облаках. Обломок луны, похожий на полуприкрытый глаз филина, то утонет в них, а то, появившись вновь, засветится серебром, щедро раскидывая по угольям монастыря тени с расплывчатыми диковинными очертаниями.

Ночной покой в монастыре. На стенах его покой стерегут дозорные.

Августовская ночь, льется с небес свет, напоминающий по цвету пепел...

Вскоре после полуночи монастырский вратарь, ветхий годами, разморенный дремотой, приняв благословение от игумена Сергия, выпустил его из монастырской ограды на волю в лесную пучину в сопровождении медведя, на этот раз не ударил в колокол, не подал весть дозорным, поняв, что он ушел на привычную беседу с лесной мудростью, а не в Москву, так как не было с ним неизменного спутника инока Пересвета.

Отец Сергий прозван народом при жизни Радонежским святителем. Живая легенда Руси о человеческой мудрости. Скупой на слова монах поднят народной молвой превыше митрополита.

За что ему оказана такая честь? За что исстрадавшийся народ, запуганный гневом Божиим, оплетенный паутиной суеверий, отдал Сергию свои светлые помыслы и надежды на спасение себя от всех извечных бед? Почему именно в нем узрели люди того, кому под силу сказать им заветное слово? Только за то ему такая слава, что именно отец Сергий первым подал голос, прозвучавший как набат, и сказал то заветное слово, поведал, как простому люду обрести силу, чтобы Русь смогла жить без ярма.

Слова отца Сергия прозвучали с амвона основанного им монастыря и стоустой молвой разнесены по Руси, услышаны митрополитом Алексием, узаконены им истиной и внушены князю Дмитрию.

Нет доступа свету ущербной луны в лесные дебри. Отец Сергей идет во мгле следом за зверем, не видя медведя, но слыша его дыхание и отфыркивание. Медвежонка шесть лет назад принес игумену бортник, а Сергей выпестовал в звере собачью преданность. Под лапами медведя похрустывают валежины. Босые ноги Сергия ступают бесшумно по хвойному пружинистому настилу.

Лесная мгла Сергию не помеха. Путь знаком и ведет к месту на берегу заводы речки Кончуры, где сорок два года назад он со старшим братом Стефаном, иноком Хотьково-Покровского монастыря, запалили первый костер, выбирая место для кельи.

На этот раз пришел в лес, чтобы осмыслить в который уж раз увиденный сон. В памяти он ясен. Чистое поле с редкими раkitами. Ковыльная трава по пояс человеку. Река с пологими берегами. Татарские полчища на ее берегу, и наносит ветер от них дух конского пота. Возле лесной стены – ратные силы Руси, впереди которых на коне возвышается князь Москвы Дмитрий, а возле него с одной стороны – Сергей, с крестом в руке, а с другой – митрополит Алексей. Вдруг слышится свист певучей стрелы, вонзается она в грудь митрополита, и старец замертво падает на землю. Сергей с князем склоняются над ним, тут сну конец.

Пробудившись, Сергей вышел из кельи и лунной ночью направился в лес, к его покою, чтобы самому обрести покой и понять смысл сна, который настойчиво снился ему то в темную, то в дождливую, то в ветреную ночь.

Сергий не любил сны, ибо редкие из них не сбывались, а этот сон начинал пугать его своей настойчивостью.

Мысли Сергия о митрополите. Кто мыслит о его насильственной смерти? Кому Алексей ненавистен? Сергей знал, что у митрополита есть немало недругов среди монашества, среди удельных князей и бояр, знал он и то, что Алексей из-за князя Дмитрия не в чести у Мамаю. Однако не верил в то, что у кого-то из татар поднимется рука на мудрого старца. Алексей бесстрашен, и хотя уже дважды в его тело вонзались ножи лиходеев, митрополит продолжает жить и своим бесстрашием помогает жить тем, кто видит в нем оплот мудрости, необходимой Руси.

Быстро светало. В небе творилось волшебное смешение красок раннего утра. На лысом небе без единого облачка полосы розового и зеленого цвета, чередуясь, становились все ярче и ярче. Восточный горизонт уже полыхал солнечной позолотой. Все лесное, что было скрыто ночной темнотой в сизом сумраке утра, становилось зримой явью, готовой даже днем стать небылью, сказочным видением с помощью людского сознания...

Колокол-большак в монастыре подал голос. Благовестили к заутрене. Эхо заботливо разносило звоны, и они плыли в утренней тишине густыми голосами над просыпавшимися лесами.

Сергий в сопровождении медведя шел утренним лесом на зов колокола, шел к своим тревогам и заботам нового августовского дня. День обещал быть погожим...

3

Воскресный день.

Решив повидать митрополита, чтобы унять тревогу, рожденную раздумьями о вешем сне, отец Сергей выехал с иноком Пересветом из монастыря еще до первых петухов.

Брезжил рассвет.

За селом Озерецким лесная дорога петляла чащобами среди болот и мочажин с частыми настилами гатей. Над ней курился бородастый дымок ночного тумана.

Ехали молча.

Пересвет – человек богатырского сложения – сидел на коне с молодцеватой осанкой воина, уперев в бок левую руку с луком. Дорога в Москву в летнюю пору опасна из-за встреч с ватагами худых людей, у них свое обхождение с путниками. Правда, встречи с лихими людьми для Сергия не опасны, и они чтут игумена. Пересвет уже не первый год сопровождает Сергия в поездках и хорошо знает его характер, а потому безропотно ждет, что молчание игумена кончится и он, может быть, услышит его словесное откровение, которое наверняка запомнится ему, станет важным для жизни назиданием.

Но на этот раз игумен ехал молча, лишь временами глубоко вздыхал.

Возле Лебяжьего озера взревел медведь. Кони спружинили мышцы, похрапывая, навострили уши, боязливо озираясь. Сергей успокоил своего коня, похлопал его рукой по шее, натянул повод, и конь с места взял полный бег.

Под птичье щебетание доехали до гатей возле села Непрудского. Для сокращения пути Сергей свернул на старую гать. Вскоре его конь угодил ногой между гнилых жердей и, повредив ее, начал сильно хромать. Оставив коня на заездем дворе в Непрудском, Сергей пересел на другого и с Пересветом они доехали до часовни Святого Фоки на Яузе. Оставив коней во дворе часовни, пешими прошли в ворота Москвы. Сергей почти всегда ходил по Москве в Кремль пешком, исключение делал только тогда, когда лошадей за ним присылал сам князь или митрополит.

На улицах люди, узнававшие Сергия, торопливо обнажали головы, смиренно ожидая его благословения, старики и женщины становились на колени, шустрые ребятишки бежали к родителям, предупреждая их о приближении игумена, и тотчас возле калиток появлялись матери с младенцами на руках.

В узком переулке Сергей и Пересвет увидели впереди толпу нищих, ведомых юродивым во власянице и веригах из цепей. Юродивый опирался на деревянный посох, украшенный медным голубем. Нищие пели псалом. Навстречу нищим выехали конные воины, закричали на бедолаг, преградивших им путь, но лишь только увидели Сергия, смолкли, спешили и, склонившись, ждали с непокрытыми головами, когда он проществует мимо них.

Пересвет шагал размашисто, расчищая Сергию путь, для острастки покашливая. Сергей же, не переставая, чертил рукой в воздухе крест.

В Кремль путники вошли через Боровицкие ворота и направились к Успенскому собору. Народ, что толпился и в Кремле, был другой – сытый, самодовольный. По большей части встречались здесь бояре с домочадцами, иноземные торговые гости, воеводы и вездесущие монахи. Все беседовали чинно, без крика, некоторые прикрывали рот руками, а те, кто не желал, чтобы посторонние слышали их разговор, перешептывались, говорили друг другу в уши.

Толпа в Кремле была нарядной. От парчовых боярских одежд, от красочных аксамитов и шелков, украшавших женщин, от непривычных для Руси иноземных одежд толпа казалась торжественной.

Завидев Сергия, нищие и юродивые на паперти собора подняли гвалт, кидались перед ним на землю, хватая его за полы рясы, просили благословить. Сергей с трудом пробрался сквозь толпу и вошел в душный полумрак собора. Свечи и лампы чадили. Запах горячего воска смешивался с ароматом ладана, дымок рваными волокнами нависал над молящимися.

Посреди собора, на кафедре, возвышаясь над сонмом духовенства, стоял митрополит Алексей.

Появление Сергия не прошло незамеченным. Дойдя до амвона, он в распахнутые царские ворота вошел в алтарь, приложился к престолу. Выйдя обратно, он спустился с амвона, встал на колени перед стоящим на кафедре митрополитом и, приняв благословение, отошел в сторону правого клироса.

Дородный рыжебородый кудлатый протодиакон, откашлявшись, начал выговаривать ектению, а после каждого его возгласа стройный хор громогласно выпевал «Господи, помилуй».

Дождь пошел только вечером и разом образумил людскую суматоху на улицах. Ветер стих, и стало душно.

В трапезной митрополита низко нависал потолок из дубовых плах, расписанных узорами из райских цветов, созданных вдохновенной фантазией живописцев.

После всенощной за столом для вечерней трапезы разместились четверо: митрополит Алексей, тверской епископ Евфилий, игумен Спасова монастыря на Яузе Андроник и отец Сергей.

Заставлен стол мисами со снедью и деревянными тарелками. Митрополит – ярый противник застольного убранства.

Сергий доволен, что митрополит неожиданно приготовил ему встречу с любимым учеником Андроником.

Андроник, низкорослый сбитый крепыш, подражавший простотой монашеского облачения учителю, увлекательно рассказывал, как он укреплял монастырь, так как был уверен, что его стены не раз послужат заслоном Москве от врагов.

Митрополит слушал нахмуренно и неожиданно перебил Андроника:

– Любые замыслы о сем держи в уме и словами не выпускай на волю.

– В твоём-то покое греха в том сказе нет, владыка.

– Разумом пойми – любой дельный замысел хорони в памяти.

За столом наступило молчание. Все занялись едой. Ели не торопясь – жареных карасей надо есть без торопливости. Рыба на вкус приятная, но костлявая. Запивали еду квасом, настоящим на листе смородины.

Сергий, внимательно наблюдая за митрополитом, нашел в его облике заметные перемены: он чаще обычного прикрывал глаза, как бы отгораживая себя от всего, что творилось вокруг, усилилась дрожь в руках, седина стала белее снега. Только глаза были прежними, в них знакомая цепкость и ясность взгляда.

Почти не расставаясь с митрополитом весь день, Сергей постепенно успокоился, не заметив в нем какой-либо тревожности, однако сейчас, за трапезой, обратил внимание на то, что Алексей, хотя и принимал участие в застольной беседе, порой погружался в какие-то свои сокровенные раздумья. Сергей не сомневался, что рассказ Андроника мешал ему думать, потому он и прервал слова игумена. Для Сергея не было секретом, что Алексей благоволил к игумену, именно по его настоянию Андроник и стал настоятелем основанного митрополитом монастыря на Яузе. Сергей, глядя на Алексея, мысленно посетовал, что из-за своего сна донимал себя домыслами о недуге митрополита. Правда, для этого у него были веские причины – навещавшие Троицкий монастырь бояре и смерды в один голос твердили о недужности старца.

Епископ тверской дороден в меру. Суровое лицо заросло смоленным волосом. Во взгляде холод. Смотрит он вокруг безразлично и даже сонливо, но это обман. А на Сергия он смотрел пристально, стараясь запомнить все мелочи, и предвкушая, как станет дома рассказывать о встрече с радонежским игуменом, которого видел впервые, но о ком слышал немало всяких былей и небылей.

В трапезной сгустился сумрак. Вошел монах, поставил на стол два свешника с зажженными свечами и покинул трапезную, плотно затворив дверь, зная, что митрополит не терпит приоткрытых дверей. Все за столом молчали. С улицы через открытое окно слышался плеск дождя в лужах. Митрополит тихо сказал:

– Поди, на всю ночь зарядил.

Митрополит, встав из-за стола, подошел к окну и, не оборачиваясь, заговорил:

– Вчерась приснилась мне татарская царица Тайдула, кою мне с Божьей помощью удалось вылечить от слепоты. Была она простоволоса и звала к себе. Мертвая звала. Все чаще и чаще вижу сны, в коих покойники меня к себе зовут. Срок, выходит, мой приближается.

За столом никто не проронил ни слова. Митрополит, отойдя от окна, прошелся по трапезной, остановившись у стола, поглядел на своих гостей и заговорил не торопясь, как бы желая слушателей вести от только что сказанного:

– Плохо Тверское княжество людскую жизнь правит! А ты, Евфилий, будто ослеп и сего не видишь. Князь твой злобой грешит. Боярам над смердами великую волю дал. Печалются мне люди. Печалются, унывая от всяких горестей, обращаются люди к Господу с надеждой.

Замолчав, митрополит допил из чарки квас и наставительно добавил:

– Поведай князю об услышанном от меня. Прямо скажи, что митрополиту, князю святой Церкви Великой Руси, доуки смердов не по душе. Слышишь?

– Слышу! Только дозволю слово молвить, святитель.

– Молви.

– Каков нрав у тверского князя, тебе ведомо. Может, лучше повелишь ему грамотку написать. Грамота твоя сильнее моего слова.

– Ишь, каким зайчишкой прикинулся! Во всем, чую, потакаешь князю. Неужто боишься?

– Боюсь, святитель.

– Дозволил запугать себя!

– Злобив больно князь.

– Ты – слуга церкви Господней. Понимай, за кем сила. За тобой, Назарий. Ты о моем нраве не забывай, а то пользуетесь моей старостью, а я гляжу, гляжу да и ногой топну на Тверь. Князь гневит меня через меру. Дождется – повелю церкви в уделе затворить.

Евфимий, перекрестившись, поднялся с места.

– Уразумел? – строго спросил митрополит. – Спроси отца Сергия, как он по моей воле затворял церкви в Нижнем Новгороде да князя с боярами вразумлял. Запоминай, Евфимий, сказанное. Поостережешься поведать князю мою волю, так велю самого за ослушность в затвор послать. Сыто и праздно в Твери жизнь правите, не ведая, чем нынешняя Русь живет. А Русь наша хранит в помыслах светлых надежду на милость Божью. – Алексей оттянул пальцами ворот, вздохнул: – Душно мне от мокрети.

Игумен и епископ, получив благословение владыки, вышли из покоев.

После их ухода старец обратился к Сергию:

– Видел хитреца? Тверскому князю он во всем потакатель и помощник. Ужо навещу Тверь и отучу князя за спиной Руси с литовцами перемигиваться. На колени его перед церковью поставлю.

Митрополит и Сергий вышли в узкий коридор, пахнувший теплой смолой, и направились к опочивальне, дверь в покои перед ними растворил белокурый послушник. Темень здесь разгоняли три горящие лампы.

– Взгляни на лик Спасителя, отче.

Сергий подошел к киоту, и тут же его взгляд был прикован выражением глаз Христа. Заметив удивление Сергия, митрополит, улыбнувшись довольно, произнес:

– Вижу, заметил, что очи у Спасителя наши, такими же Русь глядит на свет Божий.

– Кто поновил образ?

– Да тот юноша, коего ты направил ума-разума набираться у Паисия. Твое благословение его рукой водило, когда возымел он желание по-нашему очи Христа написать.

– Радуюсь, что узрел в нем искру Божью. Как же он решился на такое деяние? Не сробел?

– Он, как я заметил, не робкий, только душой больно мирской.

– Сейчас-то где обретается?

– Повелел я ему опять в монастырь податься. Волю твою на то не порушил.

– Зимой возьму его к себе в Троицу.
– Не спеши. Пусть сам обретет путь к Господу.
– Смотрю и поверить боюсь: такими очи Христа Русь еще не видала.
– Увидит. Русь все по-иному видит. Не только страхом перед Господом живет, а заветной надеждой на его милость. Русь мнит Господа милостивым. И милость эта нужна ноне Руси. Родится от нее в наших людях сила богатырская, что поможет встретить грудью дьявольскую татарскую ярость.

Митрополит, взглянув на Сергия, предложил ему сесть, пояснив смущенно:

– У меня и самого в ногах силы в обрез. Моя старость настырная. Не поверишь. Всяко норovit меня на вечный покой отправить.

Спросил после паузы:

- Какая нужда привела тебя ко мне?
- Сны вещие – тому причина.
- Сны? – удивленно спросил старец. – Уж не подметная ли грамота приснилась?
- Про что грамота?
- Сейчас прочтешь.

Алексий подошел к аналою, из-под раскрытого Евангелия достал листок пергамента. Передав его Сергию, повелительно произнес:

– Прочти и позабудь!

Сергий, прочитав неразборчиво писанные строки, побледнел. Вернул грамоту старцу, а тот вновь положил ее под Евангелие.

– Да как же замыслилось такое?

– Замыслилось. Мамаю со мной тесно на Божьем свете. Тут важнее другое: по какой причине такое замыслилось именно в нынешний год?

– Неужли Мамай на разорение Руси замахнулся?

– Истину молвил! В этом причина его ненависти ко мне. Он ведает, что князь верит мне, и надеется, что без меня Дмитрию станет худо. Но невдомек татарину, что беда для Орды не во мне, а в слитности Руси удельной. Тебя спрашиваю, отче, веришь ли в вызволение Руси от ига?

– Верю!

– Оттого-то Мамаю и надо нас убить, надо Русь лишить молитвенников за ее покой.

– Поплывешь?

– Нет! Беречь себя стану, чтобы дольше молиться о силе Руси до того дня, когда, встав с глазу на глаз с врагом, отобьет у татар охоту на ее разорение. К чему мне перед Мамаем своим бесстрашием хвастаться? Живой я нужнее Руси. Уверовал, грешный, что Русь Великая обретет силу богатырскую, и крепка в этом наша вера с тобой, отче.

Замолчав, митрополит, стоя у раскрытого окна, долго слушал плеск дождя и заметил сокрушенно:

– На всю ночь разошелся...

4

После возвращения в монастырь Андрею сразу пришлось заняться работой, он помогал Паисию в написании иконы Спаса Нерукотворного, предназначенной для нового храма в монастыре на Белом озере. Икону заказали для храма в честь святого, имя которого носил именитый боярин Питиримов. Сам боярин и игумен монастыря привезли заказ, и прихватив с собой образец, по коему должна быть написана икона. Образец был списан с хранящейся в Новгороде иконы, почитаемой новгородцами как святыня.

В монастыре на Белом озере были иконы, написанные Паисием, поэтому игумен, которому нравилась его работа, убедил боярина-жертвователя передать заказ на икону именно в

руки старого мастера. Однако тот упорно отказывался от заказа, ссылаясь на свою старость, правда, наиболее важной и даже, пожалуй, главной причиной отказа послужило то обстоятельство, что Паисий не любил писать копии.

Заказчики долго уговаривали Паисия, даже призвали на помощь игумена. Тот на разные лады увещевал Паисия, доказывал ему, что выполнение заказа наверняка принесет для обители пользу, так как боярин обещал в благодарность сделать богатый вклад. В конце концов Паисий согласился, но выговорил условие, что будет писать икону, не придерживаясь в точности цветов привезенного образца. Заказчики неохотно, но согласились с его условием, зная, что упрямого Паисия им все равно не переубедить.

Обрадованный возвращением Андрея, Паисий, дав юноше отдохнуть с дороги, отправил его на поиски в округе нужной для иконы доски. Андрей возвратился через восемь дней и привезенные им доски живописец признал годными.

Паисий лично наблюдал, как монастырский плотник готовил доску для иконы. Когда она была готова, старик с помощью Андрея по своему рецепту приготовил для нее левкас. Наконец старик показал Андрею образец, с которого им предстояло писать икону, при этом увеличив изображение. Паисий, однако, скрыл от Андрея, что добился согласия заказчиков на то, чтобы брать для иконы краски по своему усмотрению...

Шли дни. Паисий наносил на доску очертания лика Христа. Работа не ладилась. Старик стирал неудачные штрихи и линии. Андрей неотлучно находился около него, вдумчиво рассматривая привезенный новгородский образец. Андрею казалось, что Спас Нерукотворный, писанный изографом в Новгороде, был слишком скуп по краскам. Изограф при работе будто сдерживал красочную гамму, использовал сочетание двух цветов – оливкового и желтого. Андрей внимательно вглядывался в лицо Христа. Оно было написано в мягкой «сплавной» манере при помощи едва уловимых переходов от теней к свету.

Особую выразительность изограф придал большим глазам Христа, в которых Андрею виделась суровая отрешенность. Андрея поразило мастерство живописца, для большего впечатления допустившего при написании лица Спасителя небольшую асимметричность – поразному изогнув на лице брови. Разглядывая образец, Андрей все время возвращался памятью к поновленной им самим иконе и думал о том, что новгородский изограф, сотворитель Спаса Нерукотворного, тоже наверняка видел перед собой какой-то византийский образец. Вечерами Паисий увлеченно рассказывал ученику о канонах новгородского иконописания и, говоря об образце заказчиков, утверждал, что он писан изографом, которому посчастливилось быть сотворителем росписи самой новгородской Нередицы. Старец, поучая Андрея, говорил, что тому обязательно надлежит самому повидать роспись Нередицы и запомнить увиденное навечно, так как эта роспись – великое чудо для очей всякого живописца.

Наставления Паисия о новгородском иконописании не проходили мимо сознания внимательного слушателя. Андрей и сам уже подмечал его особенности, видел, что каждый цвет у новгородцев играет сам по себе, но в то же время каждый усиливает другой во взаимном противостоянии. У московских мастеров цвета дополняют друг друга, и в их мерном согласовании таится их красота.

Дни шли. У Паисия все еще не ладилось с контуром иконы. Это доводило его до припадков удушья. Старец то увеличивал, то уменьшал на доске лик Христа, выискивая необходимую пропорцию. Волнения Паисия передавались Андрею, но он не решался предложить свою помощь, – престарелый мастер все принимал слишком близко к сердцу, и ученик не мог знать, как он воспримет его слова.

Андрей уже говорил Паисию, что ему не по душе скупая гамма красок на привезенном образце. Он обдумывал свое сочетание красок, ему казалось, что на иконе должен быть убран желтый цвет и заменен нежно-голубым, на фоне которого с иной силой выявится лик Христа.

На маленькой доске он написал икону такой, какой ее задумал, и, преодолевая трепет, наконец решился показать свою работу Паисию.

Зная осторожное, а вернее, отрицательное отношение старика к вольностям, которые он допускал в иконописании, Андрей не сомневался, что мастер отвергнет и эту его работу, но решил, что все же попросит Паисия объяснить, в чем причина неприятия.

Паисий, увидев Андреев образец, от удивления встал с лежанки и растерянно начал гладить лоб ладонью. Держа маленькую икону, он то удалял, то приближал ее к глазам, потом, переведя восхищенный взгляд на Андрея, тихо молвил:

– Стало быть, об едином с тобой думали?

– Неужли?

– Помолчи, слушая. Русь – студеная земля, и ей возле лика Христа голубец понятней, нежели пламень желтого цвета. Так и зачнем писать. Поутру завтра поможешь утвердить линии на доске. Понимай: ушла из моих глаз зоркость ясности. Состарился вовсе. – Старик вздохнул, а потом продолжил: – Эй, Андреюшко, ведь как ты опять все дельно удумал! Только так разумею, что голубец надобно еще прозрачней взять. Совсем в твой приплеск. Все тебе дозволю писать, но до очей Христовых не допущу. Потому понимаю, что ты пребываешь в великом заблуждении относительно написания очей на иконах. Понял? И за сказанное мною в сердце обиды не носи. Признаю твои краски, Андреюшко.

– А заказчик что скажет? Ежели откажется признать наши краски?

– Не опасайся. Игумен с понятием.

– А боярин? Ведь это его воля была написать образ.

– А он не в счет. У меня к боярам невелико уважение. Разумение у них в жиру утопло. Толк понимают только в хмельном меду, а на наши сотворения глядят как бараны на новые ворота. Страхом перед ним себя не замай. Памятуй: я во всем перед боярином в ответе.

5

Написание иконы заканчивалось. В волосах Христа сияли золотые нити. Не написаны были только глаза. Паисий имел обыкновение писать их всегда в последнюю очередь, но из-за частого недомогания эту работу откладывал со дня на день. Оставались считанные дни до прибытия заказчиков. Андрей напомнил об этом мастеру, но Паисий заверил, что успеет к сроку, и велел ему не волновать себя чужими заботами.

Ветреной августовской ночью Андрея разбудили стоны Паисия. Подойдя к его лежанке, Андрей догадался по одному виду старика, что тот горит в жару.

Всю ночь, то теряя сознание, то вновь обретая его, Паисий просил пить. Андрей не отходил от него ни на шаг.

Утром весть о болезни иконописца всполошила игумена. Посетив болящего, он вместо доброго слова утешения стал упрекать Паисия в том, что тот совсем не ко времени занедужил, мол, из-за его болезни монастырь лишится благодарности заказчиков. Уходя, игумен настрого приказал старику закончить икону к сроку и предупредил, что, если Паисий не сможет это сделать, он поручит ее дописание любому живописцу по своему усмотрению.

Угроза игумена так подействовала на старца, что он, собрав силы, поднялся на ноги, решив немедленно дописать икону, но упал в изнеможении на пол.

Вечером, успокоившись и стараясь забыть о стариковских обидах, Паисий, жестом подзвав к себе Андрея, взял горячими руками его руку и, припав к ней влажной щекой, с трудом прошептал:

– Андреюшко, благословляю тебя написать очи Спасителя!

– Какими же они быть должны? – спросил, похолодев, Андрей. – Кои на новгородском образце?

– Такими, кои подскажет твое разумение...

6

Андрей глаза Христа написал. Они были такими, как и на иконе митрополита, поновленной Андреем.

Паисию полегчало, он знал, что Андрей справился к сроку, и захотел взглянуть на его работу утром, в день сдачи иконы заказчикам. Подойдя к образу, старик сразу остановил свой взгляд на глазах Христа и уже не мог отвести взора от излучаемого ими ласкового тепла. Глаза были прозрачными, как родниковая вода. Они успокаивали. Вселяли надежду и веру в исполнение желаний всех тех, кто будет молиться. Глаза были словно живые, их выражение можно увидеть вокруг в ласковых людских глазах. Паисий стоял перед образом в оцепенении, ощущая, как эти глаза согревали его старческую душу, уставшую за долгую жизнь от тревог и забот. Морщинистое лицо старика ожило от улыбки.

Андрей стоял поодаль, готовый выслушать любой приговор учителя. Но Паисий молчал и, не взглянув на Андрея, медленно вышел из кельи, оставив его в полном недоумении...

По наказу игумена икону перенесли в его покои.

Андрей поставил икону напротив окна, возле стены, и укрыл ее холстиной.

Заказчики пожелали глядеть икону после обедни.

Паисий и Андрей, готовясь к показу, переоделись. Андрей надел рубаху и порты, подаренные ему в Москве, подпоясавшись гашником из голубого шелка с серебряной ниткой.

Колокола вызвонами известили об окончании обедни. Паисий пришел в игуменские покои с Андреем, когда в них стало тесно от собравшейся монастырской братии.

Заказчики появились позже всех с игуменом и духовенством. Боярин Питиримов, низкорослый и чрезмерно тучный, шел, твердо ставя ноги в красных сафьяновых сапогах, опираясь на посох, втыкая его острие в пол. Он шел ни на кого не глядя, выявляя этим свою спесивость. За ним следовал тщедушный игумен с Белого озера, а завершал шествие игумен монастыря. Боярин на поясные поклоны Паисия и Андрея даже не пошевелил головой, а белоозерский игумен их благословил, не отводя глаз от боярина.

– Кажите! – резко сказал боярин и, сев на лавку возле стола, вновь повысил голос: – Кажите, говорю!

Паисий снял с иконы холстину, и по покою прокатился возглас удивления. Белоозерский игумен подошел к иконе, остановился и вымолвил шепотом:

– Чудо зрим, сотворенное рукой человека.

Но боярин, встав, подойдя к иконе и отодвинув рукой игумена, присмотревшись, закричал:

– В чем чудо узрел, отче? Очи на иконе не Христовы. Человечьи глаза у Сына Человеческого. Аль ослепли?

– А какими им надлежит быть у Спасителя? – спросил Паисий.

– Божественными!

– Да Христос-то смотрит на многострадальную Русь! С состраданием смотрит!

– Не должно быть в его глазах сострадания. На наших смердов надобно Христу зреть устрашающе. Кто писал неправедные глаза? Ты, старик, видать, утерял веру во власть Господню?

– Я написал очи Спасителя! – сказал Андрей, покрываясь крупными каплями холодного пота.

– Да кто тебе, смерду неразумному, дозволил свершить святотатство?

– Я дозволил боярин, – сказал Паисий. – Благословлен Андрей мной на живописное сотворение сего образа.

– А я не признаю его написания. Икону приму, когда на ней будут написаны Божественные очи, вселяющие Господне всемогущество.

– О сем не тревожьтесь. Он глаза перепишет, – успокаивающе ответил игумен монастыря. – Паисий, накажи очи заново написать!

– Я не стану написанное рушить! – выкрикнул Андрей и, рывком кинувшись к иконе, заслонил ее собой.

– Как это не станешь? Ежели я повелю!

– Не стану!

– Ах ты, оборотень! Как смеешь перечить мне?

Боярин, покраснев от злости, ткнул Андрея посохом в плечо. Юноша от боли вскрикнул. На его правом плече, на рубахе, появилось кровавое пятно.

– Да я тебя в яме сгною!

Крича, боярин снова замахнулся посохом, но Андрей шагнул к боярину и вырвал посох.

– За что обидел?

Боярин, пятясь, запнулся ногой за половик и упал бы, если бы его не подхватили монахи. Паисий, встав между Андреем и боярином, тихо произнес:

– Опомнись, Андреюшко!

Андрей, бросив на пол боярский посох, выбежал из покоя и направился к любимым березкам, добежав до них, задохнувшись, плашмя упал на землю, содрогаясь в рыданиях...

Вечером, когда благовестили ко всенощной и лесная река слушала голоса певучей меди, когда на небе вызолотился серп молодого месяца, Андрей Рублев, не перенеся обиды, трогательно простился с Паисием, не вняв его уговорам, нарушив завет Сергия Радонежского, ушел из монастыря.

Андрей понимал, что уходил в мирскую жизнь, переполненную всякими обидами из-за людской несправедливости и зависти. Он был уверен, что глаза Христа написаны им правильно и придет время, и ему поверят, что именно такими глазами Сын Человеческий может смотреть на многострадальную Великую Русь...

Глава пятая

1

Проклятие Руси висело над татарами с года сокрушительного нашествия кочевых полчищ хана Батыея.

После Батыея опустошения истерзанная, выжженная, залитая кровью Русь, выпив чашу страдания, старательно выискивала закутки для житейского покоя в необъятности дремучих лесов отчей земли. Заповедная нежить лесных чащоб помогала Руси рубить в них новые города в местах, недоступных для ханских набегов.

Проходили десятилетия.

Русь под вызвоны колоколов молилась, надеясь, что обещанные попами трубящие архангелы возвестят о Божьей милости. Русь жила надеждами на грядущий покой, не расставаясь с постоянным страхом. Безрадостные для народа десятилетия проходили, сменяемые распутицами весны, летним ароматом трав, мокретью осени и долгими зимними стужами. Под их поступь умирали свидетели шествия жуткой Батыеевой смерти. Их места заступали потомки, становясь свидетелями новых вражьих нашествий и козней поработителей. Но с каждым десятилетием в сознании истинных оберегателей Руси, именуемых за трудовое подвижничество смердами и черными людьми, укреплялась к врагам стойкая ненависть, заставлявшая их по зову родной земли бросать сохи, остужать горна кузниц и браться за топоры и вилы. Ветры весны подавали со степных просторов вести о шевелении кочевников, замышлявших опустошение ради ханского желанья карать непокорную и гордую Русь.

Но вдохновенную ненависть черных людей слишком старательно отщепенцы утихомиривали лживыми посулами ханского миролюбия. Удельные князья в сговоре с боярами теряя честь и совесть, угодничали перед владыками Золотой Орды, предавали достоинство Руси ради личного благополучия, не останавливаясь даже перед породнением с татарами, помогали удельной междоусобице вносить в жизнь государства сумятицу вражды, всегда обильно обмываемую кровью.

Сермяжная Русь, теряя веру в правдивость, устремлялась на зовы монастырских колоколов, умывая руки от мирского житья в лесных родниках. Верящим в существование где-то житейской правды монастыри казались теми прибежищами, где можно обрести спасение от всех пережитых бед и прикоснуться наконец к вожделенному покою. Однако и за стенами обителей они находили лживость монашества. Лживость, необходимую для обогащения монастырей и их главенства над темным людским сознанием.

Всесловная Русь фанатично стремилась к Божьей милости, сознавая, что в мирской стезе ей уготован извечный труд, слезы матерей, рожающих богатырей для обережения Руси от врагов, обережения Руси от князей и бояр, преющих в парче.

Но, несмотря на все невзгоды, Русь хранила в памяти слова Сергия из Радонежа о том, что ей уготована радость освобождения от ига кочевников слитным людским мужеством, что Русь будет свободной...

2

Ночь мерцанием звездных глаз любовалась лесной Русью, отыскав в глухомани озеро, званное в удельном княжестве Тайным.

Его лохань, обжатая живописными берегами, покоилась в хвойной духовитости, и, как изумруд в оправе из северного жемчуга, в озере выступал остров, с давних пор слышавший

родовой вотчиной боярского рода Хмельных. Владела им вдовая боярыня Ирина Лукияновна. Укромное место выглядел себе боярский род – путь к острову зачурован для вражьих сил во все времена года.

Бояре Хмельные выращивали на луговых пастбищах острова коней для войска московского князя Дмитрия, отчего эхо разносило по лесам тревожное в ночную пору конское ржание.

Бояре занимались пестованием коней с XII века. Тогда на Руси из-за великокняжеского престола вели, недоброй памяти, спор братья Александра Невского, князья Василий и Ярослав, и только окрик татарского хана решил братскую тяжбу в пользу Ярослава.

Слава о боярских конюшнях утянулась за грани Руси, и даже хан, восхищенный дарственными табунами, дал боярскому роду охранный ярлык, оберегавший от жадности охочих на грабежи баскаков.

Последний хозяин вотчины, боярин Кукша Хмельной, хмурый по взгляду, но с доброй душой, памятен больше по прозвищу Хромец, оттого что в битве с татарами сабля пересекла на ноге сухожилия. Дородный и приятный ликом боярин Кукша обзавелся семьей на пятом десятке, да и то совсем неожиданно. Великим постом оказался в Угличе, где высмотрел себе невесту. Разузнав все надобное о красавице, которой шел семнадцатый год, заслал сватов, но желанного не добился. Знатные родители по боярской спесивости считали его недостойным женихом для дочери. Но Кукша от мечты не отказался и, недолго думая, выкрал из родительского дома девушку, покоровшую его сердце.

Строптивная, властная мать девушки, навестив боярина, требовала освободить пленницу, но, не добившись желанного, обратилась за защитой родительской чести к великому князю Ивану Второму. Князь беседовал с боярином и, убедившись в чувствах, встал на его сторону, дал дозволение идти под венец с краденой невестой.

Боярыня Ирина не сразу подчинилась мужниной воле. Кукша только через месяц был допущен юной женой в опочивальню, но, выйдя из нее по утру босым, всю жизнь старался с супругой не спорить и ее не слушаться. Тринадцать лет текла семейная жизнь в боярских хоромах, подчиняясь уже одному лишь шевелению бровей боярыни. Она родила трех сыновей, но судьба супругов лишила родительского счастья. Дети на втором году от роду умирали от удушья всегда в весеннюю пору.

Мать боярыни, ненавидя Кукшу, злословила про его семейные несчастья, а оттого и бродила молва, что Бог отнимает от боярина сыновей в наказание за кражу у матери дочери, не благословленной на супружество.

Шесть лет назад московский князь Дмитрий возымел желание, чтобы боярин Кукша в подарок хану лично доставил трех скакунов. Выполняя приказание князя, Кукша отбыл в Орду, но по пути два скакуна пали. Прибыв в Орду только с одним конем, боярин впал в немилость и на обратном пути домой был удушен.

На исходе тринадцатого года семейной жизни боярыня Ирина Лукияновна, опалив душу горем, овдовев, не опустила бессильно рук. Унаследовав вотчину, продолжила родовое дело бояр Хмельных...

В боярской вотчине чистили голоса ранние петухи. Пошел ленивый, беззвучный дождь. Сыпал водяной бисер недолго, не налив луж. Умытый рассвет порозовел, освобождаясь от туч, принимал позолоту восходящего солнца.

Озеро, прикрытое рваными холстинами тумана, окрашивалось отражением переливов небесных красок...

В опочивальне боярыни Ирины густой полумрак, только в красном углу – бурая бархатистость бревен в отсветах лампадных огоньков.

На узорной кровати, резанной из дуба, под пуховым одеялом с синей парчовой каймой, подсунув ладонь под щеку, спала Ирина Лукияновна.

Всхлипнув, отворилась окованная медными узорами дубовая дверь. В нее протиснулась жирным телом постельная мамка Вивея, сощурившись, оглядела горницу.

Вчера Вивея поздно уложила боярню в постель. Старухе все ведомо в хозяйкином характере: не жди от нее хорошего обхождения, ежели переспит, а хуже того – недоспит. Проснувшись, в перинах боярыня нежиться не любит, говоря, что сколько в них ни парься, вдовье звание не отпаришь. У Ирины Лукияновны всякий миг на счету, при таком бойком хозяйстве для всего нужен зоркий глаз.

В вотчине всем известно, что у хозяйки при ее вальяжном обличии характер совсем не женский. Челядь знает про ее строгость и ласковость, а потому ходит с оглядкой. Вспыхнув гневом, боярыня скрещивала руки на груди, чтобы сгоряча не дать им волю и, выявляя боярские повадки, бить по затылкам провинившихся холопов.

Вивея еще раз придирчиво оглядела горницу. Ей не приглянулись горящие с чадом огоньки в лампадах перед киотом с иконами. Послюнявив пальцы, сняла с фитильков масляный нагар, а потом, приметив высунувшуюся из-под одеяла голую ногу хозяйки, подойдя к постели, натянула на нее одеяло. Но Ирина сквозь сон недовольно крикнула:

– Кыш, Огненная! – А приподняв голову, увидев перед собой старуху, потягиваясь, с зевотой спросила: – Так это ты?

– А кому же быть, матушка.

– А мне померещилось, что кошка собиралась пятку лизать.

Боярыня села на кровати. Наклонив голову, укрыла лицо богатством волос цветом золотистой ржаной соломы.

Откинув волосы за спину, Ирина Лукияновна огладила ладонями холеные покатые плечи, а глядя на черный сарафан Вивеи, удивленно спросила:

– С чего монашкой вырядилась?

– Покойного Дорофея во сне повидала. Велел мне в черном жить.

– Я своего покойного Кукшу тоже во сне вижу, иначе в черное не выражаюсь. Злишь с утра меня причудами.

Не отводя глаз от растерянной Вивеи, боярыня мягко спросила:

– На воле что деется?

– Дождичек малость попрыскал.

– Отвори ставни.

– Все распахнуть?

– Все. Пусть лампадный чад выдует.

Боярыня, заметив солнечные блики на половиках, обрадованно воскликнула:

– Да на воле-то ведро! А я заспалась.

– Что ты! рань несусветная. Петухи вовсе недавно охрипли. Может, еще вздремнешь?

– Хватит! Выспалась!

Вивея, поджав губы, решила, что у хозяйки настрой характера на весь день будет со всякими выкрутасами, вкрадчиво спросила:

– Ясти чего станешь?

– Щучьим заливным полакомлюсь с медовым брусничным взваром.

– Да ты, матушка, вовсе невесть чего надумала. Щучье заливное в утреннюю пору – снесь голодная. Тебе голод не на пользу при эдаком житейском беспокойстве. Вон как на тело спала.

– Разговорилась! – охолодив голос, сказала боярыня. – Все лучше меня знаешь. Неужли худоба мне не к лицу?

– Тебе все к лицу, матушка. От погляда на твой стан в очах мужиков греховное желание заводится.

- О ком говоришь?
- Да взять хотя бы, к примеру, сына нашего князя.
- Чего в его взгляде заметила?
- Вивея торопливо отмахнулась.
- Спрашиваю!
- Не гневайся, матушка. Глядел на тебя, как кот на сало.
- А ты, никак, все видишь, что в мужичьих глазах заводится?
- Так ведь народилась-то бабой, и чутье бабье во мне до могилы с разумом не расстанется.
- Ступай, готовь снедь.
- Вивея, отвесив поклон, направилась к двери, но остановилась от вопроса:
- Гонец из монастыря не воротился?
- Не слыхала.
- Немедля дознайся.
- Как велишь! Только по своей воле изжарю тебе глазунью в три ока, а под взвар жареным

карасем побалую.

- Ступай! Ужо покажу тебе свою волю.
- Слова ладом молвить не дашь.

Обиженная Вивея ушла из опочивальни. Ирина Лукияновна засмеялась, но не над старухой, а от мыслей, что от погляда на нее у мужиков глаза от разных помыслов масляются...

В торжественном сиянии полуденного солнца Ирина Лукияновна, навестив загоны стригунков, шла к холму, на темени которого в память покойного мужа по ее желанию с весны был сложен белокаменный храм. Одноглавая церковь высилась среди древних елей и берез. Род бояр Хмельных от новгородского корня, потому храм воздвигли каменных дел мастера из Великого Новгорода.

Боярыня шла по извилистой тропе, напевая любимую песню про лебедь-птицу, памятную ей с детских лет, когда безмятежно, не зная тревог, засыпала она под напев няньки.

Беседа с гонцом, возвратившимся из монастыря с лесной реки, опутала боярыню огорчением и грустью. Совсем неожиданный ответ получила от игумена, узнав, что живописца Андрея нет в монастыре, а главное – в обители не знают, на каких тропах-дорогах он правит жизнь.

Андрей Рублев надобен был Ирине Лукияновне. Она показала написанные им иконы резчику по дереву, мастеру Нафанаилу из Владимира, а тот, признав даровитость живописца по увиденным краскам, возьми да и подай совет, чтобы именно Андрею боярыня доверила украшение иконостаса в новом храме. Совет Нафанаил подал твердый. Вняв совету, боярыня и послала гонца за Андреем. Память сохранила облик юноши, которого боярыня при прощании, в благодарном порыве за написанные иконы, ласково погладила по голове. Ей стало грустно, что она не увидится с ним сызнова.

Храм, ждавший мастера, способного украсить его иконами, боярыня навещала всякий день, любуясь резьбой иконостаса, сотворенного руками Нафанаила и его помощников.

Буйность красок погожего августовского полдня, блеск под солнцем воды в Тайном озере, лебединые стаи облаков, узорочье теней и тоскливый мотив лебединой песни – все это исподволь увело помыслы Ирины Лукияновны к давнишнему, под кровлю родительского дома, из окошек которого она любовалась Волгой. Ожила перед ней как будто бы позабытая пора юности, в которой ее радость, строптивость и живость пресекала вспышками гнева суровая мать. Она больно хлестала по щекам за улыбки, за нахмуренные недовольные брови, за слова, лишние, по ее разумению, для девичьей скромности. Ожил облик молчаливого, безвольного отца, боящегося гнева жены. Отца боярышня любила и была счастлива, когда его теплая большая рука гладила ее голову. В затворе душного терема под присмотром угодливых нянек Ирина

в юности коротала дни, запоминая от скуки все трещины на бревенчатых стенах, пропахших запахами ладана и лампадного масла, слежавшегося пуха в перинах и подушках.

Шли годы.

Уворованная Кукшей, освободившись от материнского деспотизма и став женой, заводила в семье надобные ей порядки. Холодок начальной неласковости к мужу исподволь согревала то улыбкой, то случайно оброненным ласковым словом, приучила его к послушности и исполнению ее желаний. Все подчинялось ее воле, все, кроме материнства.

Вдовство своей внезапностью заставило ее оцепенеть от страха перед одиночеством. С досужих советов ринулась она за утешением к Богу. Посещая монастыри, делала вклады за помин души мужа, прислушиваясь к пересудам о своей дальнейшей вдовой судьбе. Молясь, каялась в вольных и невольных прегрешениях, сознавая, что даже помыслами не нарушала супружескую верность. Молитвы, посты и покаяния не успокаивали мятежного сознания, а уставая от тягостных раздумий, она постепенно перестала верить, что Господь даст ей душевный покой.

На второй год вдовства на остров зачастили разговорчивые свахи, засылаемые знатными боярскими семьями. Молодая вдова привлекала мужское внимание. Кроме того, она была знатна, а главное – богата. Однако, испытав вольность супружеской жизни с Кукшей, боярыня с лживой скромностью и смирением отказывалась от чести снова стать чьей-то женой.

За годы замужества она многое узнала о судьбах боярских жен, мужья которых заводили зазуб и предавались любовным утехам на стороне. Когда жены смели напомнить таким мужьям о соблюдении верности, обещанной ими при венчании, то оказывались насильно постриженными в монахи, чтобы в затворах монастырских келий могли послушанием укротить свое недовольство неоспоримым правом мужей распоряжаться их судьбой...

На холме ветер с озера раскачивал старые ели. Новый храм побелен, и на фоне окружающей зелени он кажется парусом. Храм не велик, но крепок толщиной стен. Двери его, выкованные из железа, растворены, чтобы просыхал внутри. Проникавший сквозь солнечный свет полосами с блестками пылинок разгонял сизую сумрачность, упираясь в шершавость неоштукатуренных стен, ожидавших украшения росписью. Оживут от красок стены под кистью живописца, а высохшая штукатурка сохранит их певучесть на долгие годы.

На ступеньках амвона, перед раскрытыми в алтарь створами царских врат, сидел паренек в скуфейке на русой голове в сером подряснике с заплатами на локтях. Водя пальцем по строкам на странице толстой книги, он монотонно, нараспев, читал послание апостола Павла. Вслушиваясь в слова апостольского послания, произносимые звонким голосом, на лесах перед алтарной преградой высокий седобородый монах Нафанаил с двумя послушниками украшали золотом свое вдохновенное творение из дерева. Резная преграда – кружево из диковинной листвы, цветов, гроздьев ягод, здесь и витые колонки, и разные по величине рамы для будущих икон.

Занятые работой мастера не заметили, что в храм вошла боярыня, она вошла и остановилась, залюбовавшись блеском преграды, верхняя часть которой горела позолотой.

Юноша, увидев хозяйку, перестал читать, и тогда Нафанаил, обернувшись, также увидел ее. Оставив работу, он поспешно по шаткой лесенке спустился с лесов и с поклонами подошел к боярыне.

– Будь здрава, Ирина Лукияновна!

– Очей не могу отвести от лепости твоего труда. Земно кланяюсь и благодворю за сотворенное из дерева чудо.

– Прими и ты в ответ поклон за ласковую похвалу деяниям рук моих.

– Никак, подводишь работу к концу?

– Считанные дни остались. Норовлю озолотить, покада ведро стоит. С чего сумрачна, матушка?

– Гонец воротился из монастыря с худой вестью.

– Неужли игумен, заупрямившись, не отпустил Андрея?

– Нету Андрея в монастыре.

– Куда ушел?

– В мирскую быль. Где на сей день обретается, в обители знаемости нет.

– Вот ведь как обернулось. Все оттого, что Андрей не успел отдать помысел Господу.

Мирское житье липуче, а молодость на помыслы и на ноги шатучая.

– Подай совет, кому храм росписью украшать.

– Живописцами Русь оскудела. Дельно мыслишь – с росписью годить нельзя. Для росписи самая пора. До холодов надо сие творить. Замес под роспись жары и холода боится. А вот осенняя пора для нее самая подходящая по той причине, что замес краски в себя не торопливо берет.

– Может, знаешь, кого звать?

– В суздальском монастыре водится такой мастер. Только стар годами, посему со всякой хворостью дружит. Родом новгородец.

– Зови! Заботой его не оставлю. На любую хворость управа есть.

– Как велишь.

– А иконы кому доверить?

Монах, подумав, комкая в руке бороду, ответил не сразу:

– С ними можно погодить. Ведь эдакая незадача с Андреем. Я уж возмечтал, что повидею его. Так тебе скажу. Слышал, будто у нашего князя во Владимире в часовне, над прахом его матери, какой-то живописец по-справному Христа с Богородицею написал. Может, пошлешь кого во Владимир для распознавания о сем живописце.

– Пошлю.

Боярыня пошла к двери, но, обернувшись, вновь постояла, любуясь алтарной преградой.

– По вечеру, отче Нафанаил, наведайся ко мне. Бог тебе помощь!

– И тебе, боярыня, его благословение во всем.

После ухода хозяйки Нафанаил вновь поднялся на леса, а паренек принялся за прерванное чтение...

3

В погожий день густая облачность при ветре по временам убирала с земли солнечный свет.

На остров на пароме переправились пятеро конных татар, но, не навестив, как обычно, боярский двор, сразу подались к загонам, где паслись кобылицы с жеребьятами.

С весны в удельное княжество из Орды прислан новый баскак – мирза Алиман, а оттого кочевники – частые гости в вотчине. Ведут строгий счет приросту поголовья, чтобы не прозевать взять мыто со всякой новой лошадиной головы.

После отслуженного молебна с дозволения боярыни на Тайном озере ловили рыбу. Подошла пора солить ее, делать запасы к зиме.

На песчаной косе острова, клином вползшей в озеро, против изб слободки табунщиков крикливое многолюдство: стариков, старух, ребятишек и баб. Шестеро мужиков под выпев «потянем» под присмотром старосты выводят из воды невод второго замета. Первый улов расторопные хозяйки уже уволокли на свои дворы, а те, кто остался без рыбы, с нетерпением ожидали второго улова.

На пяте невода окаменел диакон Миней. Непомерно тучный телом, не обиженный ростом, увязая босыми ногами в мокром песке, он стоял намертво, несмотря на то что невод все же сволокивал его к воде, а в песке оставалась взрыхленная ногами канавка.

Миней заткнул за ременный пояс полы старого, закапанного воском подрясника, чтобы тот не путал ног, отчего у всех на виду оказались его пестрядинные исподние. Волосы и борода у диакона огненно-рыжие, раскосмаченные ветром на солнечном свету, они мотались вокруг головы будто языки жаркого пламени.

Зычно покрикивая на горластых молодок, а также на ребяташек, сновавших возле него, Миней не позволял себе соленых словечек и не убирал с лица добродушной улыбки по той причине, что поодаль от него маячила сама Ирина Лукияновна с тиуном и Вивеей.

На боярыне синий летник с золотым шитьем. Шею ее обвила нитка низаного жемчуга, отливающего розовыми огоньками. Хозяйка пришла взглянуть на лов, услышав от дворни, что невода выводят с богатой рыбой.

Мимо косы с господского двора, шелкая кнутами, конюхи под уздцы провели племенных жеребцов на водопой. Он возле кузниц. Там речка Слезница по мочажинному руслу, заросшему осокой, пушистым вейником и конским щавелем, сливала в озеро ледяную даже в самую жарынь лета родниковую водицу.

На косе раздался возглас диакона в полную силу его баса:

– Благослови, Господи, зреть рабам Божьим твое милостивое подавание!

Возглас возвестил выход невода. Толпа истово закрестилась, когда мужики выволокли на песок кошель невода, туго набитый живым рыбьим серебром. Бабы с радостными криками кинулись к нему и, переругиваясь, сгрудились возле добычи.

В этот момент на косе появились конные татары. На сером в яблоках коне ехал молодой татарин в белой войлочной шапке с лисьим хвостом. На всаднике красный парчовый кафтан. На поясе с серебряными украшениями шариками – кривая сабля и кончар⁷ в золоченых ножнах. Следом за молодым татаринцом – четверо ехавших попарно, старых годами конников в одинаковых грязных и засаленных кафтанах зеленого цвета с желтыми полосами.

Шумная толпа привлекла внимание молодого татарина. Свернув к ней, он оставил спутников. Проезжая мимо Ирины Лукиановны, всадник, отпихнув ногой стоявшего на пути тиуна, сплевывая хмуро, оглядел боярыню, облизав языком бурые губы. Наезжая конем на людей, похлестывая нагайкой чаще всего по женским спинам, татарин доехал до кошеля с рыбой. Осмотрев улов, недовольно заплевавшись, повернул обратно и отдал спутникам приказание ехать к водопою.

После появления татар народ на косе притих. Люди, забыв о рыбе, провожали всадников тревожными взглядами. Все знали, что и от мирных степняков можно ожидать нежданной беды. Дух от них был тягостный, помесь людского пота с конским, но людям пуще этого духа пришлось не по душе бритые злые лица конников.

Появление татар боярыня восприняла как недоброе знамение, молча переглянулась с тиуном и в его сопровождении направилась следом за всадниками. Молодого татарина она уже видела в городе в свите баскака Алимана. У нее родилось подозрение, что поехал он на водопой неспроста, а выполняя какое-то приказание своего господина. Боярыня слышала, что новый баскак был жаден и отнимал понравившихся лошадей, какому бы знатному хозяину они ни принадлежали.

Всадники у водопоя остановились. Молодой татарин внимательно осматривал жеребцов. Увидев подошедшую с тиуном боярыню, зная, что она хозяйка вотчины, подъехал к ней с улыбкой, оскалив желтые зубы.

⁷ *Кончар* – древнее русское и восточное колющее холодное оружие, меч с прямым длинным (до 1,5 м) узким трехлинейным четырехгранным клинком, был эффективен для пробития кольчуг, бехтерцев, шерстяных бурок.

Боярыня обратила внимание на его рассеченную верхнюю губу и, глядя в глаза татарину, сказала приветливо:

– Ассалям галяйкюм!

Татарин, не ответив на приветствие, неласково улыбнулся, смежив веки до щелок, смачно сплюнул. Плевок попал боярыне на подол. Довольный своим поступком, он, выругавшись по-татарски, ткнул боярыню черенком нагайки в грудь, крикнул по-русски:

– Смотри, баба!

Развернув коня, подъехал к конюху, поившему гнедого жеребца, и, огрев мужика нагайкой, попытался вырвать из его руки повод. Но конюх повод намотал на руку, а татарин, расшвыряв, ожег мужика нагайкой по лицу. Конюх вскрикнул и, смятый конем татарина, упал, отпуская повод. Вздыбившийся жеребец с ржанием помчался мимо кузниц к табунам.

Озверевший от неудачи татарин, свесившись, ожесточенно хлестал нагайкой лежавшего на земле окровавленного конюха. В момент, когда кочевник был готов затоптать мужика конем, боярыня, подбежав к одному из конюхов, вырвала у него плеть. Она щелкнула ею, и ременная змея обвила шею татарина. Боярыня рывком вырвала всадника из седла. Он упал на землю, но четверо кочевников, обнажив сабли, не двинулись с места, ожидая приказа.

Поверженный, с трудом освободив шею от плети, ругаясь, вскочил на ноги, выхватив из ножен кончар, ринулся к боярыне, но плеть в ее руке теперь обвила его ноги, и татарин плашмя шлепнулся на землю, выронив кончар. Один из кочевников поймал лошадь начальника, но остальные все еще ждали его приказа.

Боярыня, вне себя, крикнула лежащему по-татарски:

– Вставай, а то подниму, добавив еще разок! Повидала я, как от бабьей руки по земле ползаешь.

Поднявшись, татарин, отплеываясь, стер ладонью с лица налипший песок и мусор, отплеываясь и зло озираясь по сторонам, погрозил боярыне кулаком, закричал от обиды:

– Кучук ита!

Продолжая ругаться, он подбежал к своим спутникам, начал хлестать их нагайкой и затем, вскочив на своего коня, понесся прочь. Четверо татар ехали следом за ним шагом.

Ирина Лукьяновна поняла, что татарин, обругав ее, сравнил с собачьим мясом. Обернувшись, она увидела, что к ней подбежали люди, а ближе всех к ней стоит диакон Миней со слегой, у мужиков и баб в руках были жерди, топоры и вилы.

Бросив на землю плеть, боярыня, пнув ногой кончар, сказала диакону:

– Подбери, отче, пригодится лучину щепать.

Оглядев с улыбкой народ, она, как будто ничего не случилось, громко спросила:

– Чего время понапрасну изводите? Аль не пора невод сызнова заводить? Зимушка у нас долгая – без рыбки пузам будет тоскливо...

В слободах вотчины до ночного часа люди судили и рядили, какой бедой обернется для всех лихое обхождение хозяйки с татарским начальником. Не сомневались, что татарин позора не простит.

Боярыня хотя и была довольна, что измарала о песок из персидской парчи кафтан татарина, но думала о том же. Не понравилось ей, что он, глядя на нее, облизал губы. Вымеряя шагами длину трапезной, отпивая по временам из стоявшего на столе ковша стоялый мед, она была уверена, что беды можно ждать и от баскака, и от удельного князя, татарского угодника. Допив ковш меда, отуманив себя его крепостью, она отдала тиуну приказание при первых петухах переправить с острова в леса лучших племенных жеребцов, укрыть их временно в потайном месте у бортника Досифея...

У удельного князя Александра в думной палате стены в коврах. Иконы от лампад сияют золочеными окладами, в прорезях которых едва видны лики угодников. С дальнего погляда на них не сразу распознаешь, какому святому молишься. Думный стол и ставцы возле него – под парчой. Богато в палате. Потолок в росписи. Печи в изразцах. Окна затворены. Духота горницы пахнет масляным нагаром. О слюду окон колотятся жужжащие мухи.

Князь Александр недовольный ходит по палате. Он высок ростом, но худощав, хотя в плечах не узок. Одет в кафтан из бордового сукна, расшитый золотой и серебряной ниткой. Овчинный рукав укрывает левую руку, она рублена саблей, а потому сохнет, любит тепло, а без него донимает ломотой.

В палате четверо бояр. Все в богатой одежде, с бородами, разными по холености да и по цвету. Князь позвал бояр, выбрав самых родовитых в уделе, чтобы помогли ему по-доброму остепенить норы боярыни Ирины Лукияновны. Боярству известно, какую волю взяла она в житейском обиходе, чувствуя заступничество московского князя Дмитрия. Князю и боярам нет охоты словесными наставлениями сердить боярыню, но надо. А вот как ее урезонить, чтобы поняла? Учиненное ею чреватое бедой. Баскак мурза Алиман немислимым деянием боярыни разгневан, так как обижен его родственник и храбрый воин. Баскак, выкрикивая ругательства, требовал от князя, чтобы тот наказал боярыню такой же плетью, какой она нанесла оскорбление. Князь отказался выполнить приказание, сославшись на то, что на Руси плетью боярынь не хлещут, а посему просил татарина придумать новое наказание. Баскак согласился с доводами князя, приказав за неслыханную дерзость взять у боярыни для него трех скакунов по выбору избитого ею татарина.

Князю и боярам известно, что позванная из вотчины боярыня объявилась в городе еще утром, но у кого-то загостилась, заставляя ожидать себя, позабыв об учтивости.

Седой боярин Лавр, насупленно сидевший у стола, стучая пальцами с золотыми кольцами по столешнице, нетерпеливо молвил:

– До чего же вредная баба. Доколе же, княже, станешь милостиво прощать ей ее дерзновенность?

Князь Лавру не ответил, хотя, взглянув на него, пожал плечами.

– Прямо до окаянности спесивая баба, а ведь годами мне в дочери годится, – не унимался раздосадованный Лавр.

В духоте палаты боярам жарко в одежде, но попросить князя растворить окошки не смеют – на воле после грозы ветреная сырость. Неожиданно для всех князь, подойдя к окну, распахнул створки, пожелав взглянуть на улицу – не видать ли знакомых вороных коней с возком боярыни. Но там – пустота, ни у кого нет охоты месить грязь, топя ноги в глубоких лужах.

– Худая вдовица по характеру, – произнес, зевая, боярин Стратон. Борода его густа черным волосом без седины.

– Истину молвишь, Стратон, – вступил в разговор лысый, с хилой бородой боярин Мертий, дремавший, облокотившись на стол. Ожидание боярыни ему было особенно тягостно, его одолевала сонливость. Зов князя застал его за застольем. Принимал гостя, брата жены, любителя баловаться крепким медом. Пришлось, потчюя гостя, и самому осушить чару. А тут такая оказия, понадобился князю горячую по норову бабу обучать уму-разуму. А она не из тех, кого словом наставишь на путь истины. Мертий не забыл, как она его на соборной паперти после обедни учила учтивости, а ведь невзначай спихнул ее с лестницы, заставив замочить ноги в луже. Такими словами его обнесла, что нищие со смеху покатывались, а он, растерявшись от ее поучений, в ответ слова не мог вымолвить. С такой бабой лучше не связываться, потому, узнав, зачем позван князем, боярин решил всю беседу молчать и разве только иной раз слегка кивать головой и то, чтобы боярыня не заметила его кивки. Но пока ее нет, решил высказать о ней свое мнение.

– Из-за вдовства в Лукияновне завелось такое лихое бабье упрямство. Бабе в молодые годы вдоветь опасно. Мужа ей пора сызнова завести, чтобы мял ее крепче. Бабы без мужа от застоя в них шалой крови достойное разумение теряют.

– Пустое мелешь, Мертий! Кукша какой мужик был по крутости характера. Сам своровал Арину, однако и над ним она свою волю учинила. Видать, не всякую бабу подомнешь под свой резон, – заговорил толстый боярин Турвон.

– Кукша, царство ему небесное, надобного бабам обхождения чурался. Бил мало. У меня бы она по одной половице ходила и на цыпочках.

– Ух ты! Ведь как храбро мыслицу кинул, – захохотав, сказал Турвон. – Любишь, Мертий, на людях хвастать мужниной храбростью. Но мы-то ведь ведаем, как по домашности мимо своей боярыни крестясь ходишь. Крута она у тебя по обхождению.

– Хворая она. Из уважения к ней во всем смиряю себя, – смутившись, ответил Мертий. Князь прервал бояр, готовых затеять ссору:

– Будет! Пусяками занялись из-за тягостного ожидания. Но должны понять, что Арина баба, хотя и боярского звания, а что с бабы взять.

– Проучить надо! – выкрикнул в сердцах Мертий.

– Да ты чего молвил, боярин? По чему кулаком? – спросил, удивившись, князь и засмеялся. – Уж не по спинке ли боярыни?

– По столу, конечно, княже.

– Слава богу, что уточнил.

– А ежели боярыня вовсе не явится на твой зов, княже? – подал голос Турвон.

Князь опешил от такого вопроса, но, подумав, ответил без уверенности:

– Сотворить такое не посмеет!

– Но посмела же повелеть паромщику не перевозить татар на остров!

– Да она на сие не осмелится!

– Верь на слово. Ты знаешь меня, я за любое слово всегда в ответе. Сделай милость, княже, остепени бабу.

– Для того и позвал вас, чтобы сообща.

– Подтверди, что княжье слово для всех нерушимый закон. Возвысь голос. Отведи беду от удела. Не дай господь, ежели баскак подаст весть в Орду. Не должна она забывать твоей воли. Татары не смерды. Уж ежели тебе не охота на нее голос подымать, дай дозволение мне с ней сей же день побеседовать. Аль не знаешь, что она на твое боярство косо глядит? Гнушается с нами хлеб соль водить. Дозволь про сие ей помянуть.

– Говори, ежели есть охота, – согласился с просьбой князь.

С улицы донесся громкий женский голос:

– Экая леность у княжей челяди. Грязища перед красным крыльцом. Ногой негде по суху ступить. Чистый срам.

Князь довольно молвил:

– Приехала ненаглядная!

Бояре приободрились. Отрок, растворив дверь в палату, с поясным поклоном пропустил в нее боярыню. Опираясь на посох, украшенный резьбой, она размашисто перекрестилась, поклонилась, касаясь рукой пола, встретившись взглядом с князем, с подчеркнутой учтивостью поклонилась ему в пояс.

– Мир дому твоему, княже. Глянь, как возле твоего крыльца обутки замарала. – Приподняв подол, показала ногу и засмеялась: – Уж не обессудь, ежели наслежу малость!

– Садись! Заждались тебя, – сухо сказал князь.

– Чую, серчаешь? – сокрушенно спросила она и виновато оправдалась: – Припоздала-то из-за грозы. С малолетства опасаюсь небесного огня. Няньки меня им застращали.

Осмотрев бояр, из которых признала только двух: Мертия и Стратона, Ирина Лукияновна, подойдя к Лавру, улыбаясь, попросила:

– Сделай милость, досточтимый боярин, пересядь вон на тот столец.

От неожиданной просьбы Лавр, растерявшись, спросил шепотом:

– Пошто?

– Аль не понятно? Пересядь! Мне тут сидеть охота.

Стерев со лба испарину, Лавр вопросительно оглядел князя и бояр. Не увидев в их глазах сочувствия, нехотя приподнявшись, пересел на столец возле окна, а боярыня села на его место. Снова улыбаясь, спросила:

– Здоров ли, княже?

– Господь милует.

– В эдакой духотище дышишь, а на воле благодать.

– Руке немощной теплынь надобна.

– Госпожа твоя как здравствует?

– Ждет тебя, чтобы свидеться.

– И я по ней стосковалась.

Не отводя глаз от насупленных бояр, попросила, а вернее, приказала:

– Досточтимые, кому не лень на ноги встать, растворите окошки. Не чуете, что в покое как в мыльне?

Никто из бояр не пошевелился, но, когда князь кивнул, Мертий выполнил пожелание боярыни.

По пути к князю Ирина Лукияновна не сомневалась, что он на встречу с ней позовет бояр, чтобы их голосами высказать ей порицание за расправу с татаринцом. Была уверена, что сам на ссору с ней не решится, помня, что в загонях стригунков на острове растет подаренный ему конь. Приехав в город, она поинтересовалась, что судачат бояре о происшествии. Из расспросов убедилась, что битый ею татарин держит язык за зубами. Но баскак на нее обозлен сверх меры.

Войдя в думную палату, она по лицам бояр поняла, что услышит от них мало лестного, сознавая, что у них на то есть основания. Злюбила их тем, что в дружбу с ними не вошла и не всем отвечивала желанные им поклоны, порешив и после смерти мужа вести с ними линию новгородского обхождения. Потому и задумала разом сбить их с панталыку, огорошив самого спесивого обидной просьбой. Задуманное удалось – Лавр выполнил ее просьбу, растерялись и остальные бояре, да и сам князь. Недаром в палате затянулось молчание. Нарушив его, боярыня спросила князя:

– Дозволь молвить, княже?

– Ожидаю того, – ответил князь, улыбнувшись, будучи уверен, что услышит от нее раскаяние и извинение.

– Уповаю на твое милосердие. Прости ради Христа за припоздание.

Не услышав ожидаемого, князь убрал с лица улыбку.

– Бог простит. Страх перед Божьим огнем не у тебя одной. Княгиня со страху перед ним голову под подушку прячет.

Разговаривая, князь посматривал на бояр, примечая, что они не отводят глаз от боярыни, любясь ее красотой. Князю и самому нравилось ее лицо, вернее, голубые глаза. Князь чувствовал, что запас боевитости у бояр почти исчез и нужного ему крутого разговора с гостьей ждать не приходится. Даже Лавр, грозившийся распечь по-доброму охальницу, притих. Остановившись возле гостьи, князь громко сказал, неласково глядя на нее:

– Звана мною...

– Знаю, знаю, что из-за битого татарина, – безразлично произнесла боярыня, не дав князю закончить начатую фразу. Вздохнув, удивленно спросила: – Неужли, княже, осуждаешь гневность мою на поганого ворюгу?

– Все осуждаем тебя! – выкрикнул Мертий. – Перед татарами гневность свою за пазуху прячем. От твоей бабьей гневности не ко времени на всю Русь беда может навеститься, наше-ствием кочевников обернуться.

– Помолчи, Мертий! С князем, а не с тобой беседую, – строго оборвала Ирина Лукияновна боярыня. – Стало быть, кочевниками величаешь? По-правильному – татарами – звать опасаться? Заяц ты! Все, кого зрю сейчас, боярскую спесь только перед черными людьми кажете, а перед степняками в любом их обличии порты на коленях до дыр протираете. В своем же уделе будто служки угодничаете перед баскаком. Дочерей под татар кладете. Князя своего обхождением с погаными с толку сбиваете. Пошто же, спрошу, не подумаете ладом, что не больно гоже удельному князю перед насильниками Руси вместе с вами угодничать.

– Поучать вздумала? – крикнул Стратон.

– Тебя сколько ни учи – добру не научишь. Горб нажил от поклонов татарам. На свою хозяйку покрикивай, а со мной шепотом разговаривай, прикрывая рот ладонью.

– Боярыня!

– Помилуй, княже, что молвлю, не угождая тебе и боярам. Ведаешь ведь, что по характеру я попережная. Не сердчай. Молчать не стану. Князь ты для меня, а все одно спрошу: пошто до сей поры не в шаг с Москвой шагаешь, внимая советам боярским?

– Своим умом обхожусь!

– Почитаешь свой удел выше всея Руси?

– Думай о спрошенном! С князем беседуешь!

Князь шагнул к боярыне, готовый закричать, но смолчал, встретившись с взглядом собеседницы, увидев холод в ее голубых глазах.

– Бояре твои меня послушницей их боярской воли почитают. Молву недобрую перед татарами про меня распускают. Надеются, что татары меня подомнут, тогда и шептунам кое-что на зубок достанется. Только зря у них слюнки текут от зависти. Пока жива, ни один волос из конского хвоста никому не отдам. Твои бояре обиду на меня таят за то, что не чту ихнюю удельную родовитость.

– Во всем заносишься перед нами! – подал голос Лавр.

– Не заношусь, а в сторону сворачиваю, всеми помыслами от вас в стороне. Понятней скажу. Не с вами, веру в вас утеряв, глядя, как перед татарами с ноги на ногу по-сиротски переступаете.

– С кем же твои помыслы? – спросил князь.

– С Москвой, княже. Московскому князю верю на слово.

– Вона как! С Москвой потаенность водишь? Своему князю не веришь? Аль не хозяин он тебе? Да тебя за молвленное надо...

Но Лавр замолчал, не досказав задуманного. Слова застряли в горле, как заметил, что у боярыни пальцы сжались в кулак, а голубые глаза остекленели. Но спросила она Лавра тихим голосом, от которого у всех по спинам пробежали мурашки.

– Пошто замолчал? – проговорила она, не отводя глаз от Лавра и прижав к груди посох. – Зачав, договаривай, не то сама такое скажу, что слово к тебе прозвищем пристанет.

Потеряв самообладание, Лавр вскочил с места и опершись на посох, закричал не своим голосом:

– Молода учить меня, как на Божьем свете жить!

– Сядь, – спокойно, но повелительно произнесла боярыня.

– Да, видать, ты ополоумела? Княже! – обратился Лавр к князю. – Подай голос!

– Сядь, говорю.

Лавр, стукнув посохом в пол, сел, со стоном опустив голову.

– Вот так сиди и слушай.

Осмотрев бояр, Ирина Лукияновна заговорила:

– Надумали меня проучить в угоду баскаку? Татарскую угодницу вздумали из меня сотворить? Благо не трудно. Вдовица. Молчите? Сказывайте, чего ордынскому нюхачу от меня надобно? Вам от меня чего надобно?

– Слово мое к тебе, Арина, такое. Уразуметь должна накрепко, что никто в уделе не волен хлестать татар плетью. От содеянного тобой в моем уделе может кровь пролиться. Орда мстительна.

– От тебя ли слышу такую речь, княже? Припомни, помог ли княжей волей, когда татары табун с острова угнали? Помнишь? Молила тебя о помощи. Но ты не смог. Вот я и решила на свою силу надеяться.

– Помолчи! Велю быть послушной моему слову.

– Нет во мне овечьей послушности.

– Помолчи.

– Голос на меня, княже, не подымай!

Ирина Лукияновна встала. Встали и все бояре. Опершись рукой о стол, она твердо произнесла:

– Сказывай, княже, повеление свое в наказание за поношение татарину, учиненное мною.

Князь молча шагал, заложив руки за спину.

– Сказывай, не то уйду, не узнав твоей воли, учинив тебе обиду.

– Отдари мурзу Алимана тремя конями.

– Твое решение, княже, али баскаково приказание?

– Мурзы Алимана пожелание.

– Коней захотел баскак? Пошто же не сказал ему, что коням моим хозяин московский князь? Тебе-то ведь о сем ведомо.

– Добром не исполнишь, он силой больше возьмет. Спиной князя Дмитрия не заслоняйся. Орда сильнее его.

– А твоя спина разве слаба? Алиману у меня коней не взять. В вотчине для него управа найдется. Видать, баскак не знает, что у меня ханский ярлык водится?

Со двора донеслись татарские голоса.

– Кажись, мурза Алиман, княже, пожаловал, – прошептал боярин Турвон.

Князь поспешил к двери, но она распахнулась, и вошел мурза Алиман, зло оглядев бывших в палате. Бояре отвесили поясные поклоны, а боярыня села.

Баскак был средних лет, но жирен. На лбу красовался синий шрам. Одет был мурза в халат из турецкого золотистого атласа с переливами синего и зеленого цветов в рисунках диковинных растений. Тулово баскака с пухлым животом на кривых ногах. Сафьяновые сапоги с серебряными подковками. Ножны кривой сабли – в цветной эмали с бирюзой и рубинами.

Не ответив на поклоны, баскак удивленно уставился на боярыню, раздувая дыханием ноздри. Буркнул приветствие:

– Ассалям галяйкюм.

Боярыня с князем в один голос ответили:

– Вагаляйкюм ассалям.

Устав от огляда баскака, Ирина Лукияновна спросила:

– Кажись, поглянулась тебе?

– Ты баской баба! Ах, какой баской. Приеду к тебе.

– Приезжай, ежели охота на ярлык хана поглядеть.

Удивленный татарин переспросил:

– У тебя ханская милость?

Но боярыня на вопрос не ответила, встав, перекрестилась на иконы и, поклонившись только князю, сказала:

– Будь здоров, княже, на многие лета!

Проходя мимо баскака, задела его локтем и вышла из палаты. Мурза Алиман, задумавшись, сел к столу. Подняв глаза, смотря на бояр, все еще не веря услышанному от боярыни, спросил раздраженно:

– Почему молчали про ханскую милость злой бабе? Ты, князь, тоже молчал.

– Разумел, премудрый мурза, что тебе о сем ведомо.

Баскак встал, походил по горнице, что-то крикнул татарам в открытое окно и почти выбежал из палаты. Опешившие бояре с князем смотрели ему вслед.

– Осерчал! Не приведи господь тепереча ему на пути попасться. Окровабит! Да и на нас не ласково глядел. Из-за Арины и на нас Алиманова немилость. Боязно вспоминать, как подмяла мурзу помином о ханской милости. Тепереча к ней за конями не сунется, – сокрушался Мертий. – А нам как носы утерла? Срам! Вот ведь, выходит, на Руси и такие бабы рождаются, что самому черту хвост узлом завяжут, – сказал Мертий, закрестившись на иконы. – Прости, Пресвятая Владычица, за худое слово о вдовице Арине...

Глава шестая

1

На березах и липах желтилась листва. Природа украшалась оттенками осенних красок увядания, и была в них та особенная прелесть, от погляда на которую у людей от умиления замирало сердце.

Осень заставила людей задуматься обо всем, что было пережито в летнюю пору цветения, чтобы из него сохранить в памяти все радостное, дабы в долгие дни и ночи зимнего иззяного сидения не одолевала глухая скука...

2

Ночь.

В удельное княжество она подкралась кошачьей поступью. Кошки частенько так подкрадываются к пташкам, не всегда уверенные, что, поймав их, полакомятся теплым мясом...

Остров с вотчиной Ирины Лукияновны укрыла темнота. Еще совсем недавно вечер густил темноту мглистостью сумерек, они ползли по водной глади сиреневым туманом. У берегов туман запутывался в осоке, камышах, прибрежных кустарниках, продираясь сквозь них, дымом стелился по острову, становясь ночной темнотой. Предчувствуя ненастье, встревоженно лаяли собаки и визгливо ржали кобылицы. Пошаливал ветер, и именно в его порывах собаки вынюхивали сырость грядущего ненастья...

В хоромах боярыни, в трапезной, на дубовом столе, заставленном посудой, блюдами со снедью, горели в свечнике четыре свечи. От их огоньков на серебряных ендовах с медами, на золоченых с чернью сулеях с водками, на чарах ползали жучки бликов, они то вспыхивали, то потухали, будто светлячки.

В сулеях – водки по крепости на любой вкус, начиная от боярской двойной, убойной для рассудка, до сладкой – на патоке.

На одном окне приоткрыта створа. Она, поскрипывая, шевелится от ветра, когда его дуновения залетают в покой, огни на свечах начинают метаться и чадить черными прядями копоты.

Во главе стола в кресле, укрытом волчьей шкурой, – Ирина Лукияновна с накинутой на плечи парчовой душегреей, опушенной собольим мехом. Чуть поодаль, по правую руку от хозяйки, – нежданный, но желанный гость. Повстречала его боярыня в хоромах, вернувшись со встречи с удельным князем.

Гость широкоплеч, одет по-простецки, но все на нем из иноземной материи. Приехал на Вычегды, а родом из богатой семьи купцов Строгановых и крещен именем Хрисанф. Темен волосом, в бороде волос курчавится, а на свету заметен блеск россыпи седины.

Лицо исчерчено морщинами. На лбу – два шрама, над правым глазом только половина брови. Левое ухо пробито стрелой, но не татарской, а вогульской, спущенной с тетивы на берегу реки Вишеры. На левой руке нет большого пальца – отрублен, когда Хрисанф сидел в плену у пермяков.

Застольная беседа хозяйки и гостя была настолько интересна, что оба позабыли и про снедь, и про чары.

Для Ирины Лукияновны Хрисанф дорогой гость. С ним дружна ее память с девичьей юности. Однако прошедшие годы Строганова не пощадили, нет в его глазах памятной ей

застенчивой удивленности, лишь настроенное холодное созерцание. Такой взгляд бывает у людей от свидания с постоянной опасностью.

Приезд Строганова на остров и для него самого был внезапным – не смог совладать с желанием повидать Аринушку во вдовьем обличии. Из Москвы появился после очередного торгового странствия по землям Перми Великой.

Хрисанф без ума любил ее, надеялся увести женой в родительские хоромы, что стоят на берегу суровой северной реки, да между ним и боярышней встала родительская воля. А боярин Кукша и вовсе лишил Хрисанфа надежды на счастье, своровав любимую. Помогли избавиться от любовной беды странствия по неведомым краям язычников с дотошными новгородскими торговыми землепроходцами.

Не отводит глаз от хозяйки Хрисанф Строганов. Говорит о странствиях, а думает о сокровенном, все мысли об Ирине, ради чувства к которой живет бобылем, не останавливая взгляда на встречаемых красавицах, коими так богата Великая Русь. Мешает память говорить Строганову о настоящем, поэтому и говорит не торопясь.

– Великая во мне неумность повидать чужие земли уводила меня и в Сибирское царство. Татары там крепко сидят задами на земных богатствах, при мысли о которых ум за разум заходит. Соболями и бобрами, коими тебя одарил, там разжился, выменяв на бусы да на шелка. Велико Сибирское царство. Ох, велико! Но все же оно мои возмечтания о камской соли не смогло заставить позабыть.

Несметно соляное богатство Камы, но взять его нет силы. Хозяева Пермской земли, всякие инородцы, глаз не спускают с пришельцев с Руси. Скорбел я о своем купеческом бессилии. Всякие думы передумал, как овладеть сим богатством, и все же надумал, Аринушка. Порешил подать Руси свое разумение, что пора ей прибрать земли Перми Великой к своим рукам и начать в них по-справному хозяйничать. Навестил Москву, разумея, что в ней тепереча главная сила во всей удельной Руси. Повидал великого князя. Слушал он мой сказ про Каму, но мыслит князь Дмитрий, что нельзя Руси воевать в сию пору Великую Пермь. Нужна Руси воинская сила, чтобы вызволить себя от ордынских пут. И все ж, прощаясь, наказал помнить о всем, что повидал я на Каме, до поры до времени. Слова его успокоили меня, выходит, не зря я к сим краям приглядывался.

Строганов замолчал, залюбовавшись боярыней, а потом, заметив, что от порыва ветра, залетевшего в покой, в свечнике погасла одна свеча, привстал и притушил пальцами чадающий фитиль. Сев, гость продолжил:

– Навестил я и Троицкий монастырь. Святитель Сергей из Радонежа тоже внимал моим речам, дал обещание послать в земли пермяков и чуди проповедника веры христовой, инок Стефана. Надеется святитель, что христианство проложит Руси торный путь в Великую, но языческую Пермь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.